



В складках миров и времени

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест

В складках миров и времени

«Автор»

2023

Шелест М. В.

В складках миров и времени / М. В. Шелест — «Автор», 2023

В данном произведении (для лучшего понимания замысла автора) объединены две книги из цикла "В складках миров и времени": "Кузнец чужих судеб" и "Боливар". Части с разными сюжетами, которые в конце концов сходятся воедино.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	14
Глава 3.	24
Глава 4.	31
Глава 5.	39
Глава 6.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Шелест

В складках миров и времени

Глава 1.

Во дворе большого многоэтажного дома жила собачка. Она была любимицей местных ребятишек, но к себе в дом её никто не брал. Она была умненькой, маленькой, но не очень красивой. Некоторые из взрослых называли её страшенькой.

Коротконогая, с длинным телом и большими, складывающимися вперёд ушами, собачка напоминала таксу, но это была не такса. В ней явно доминировали гены обычной дворняги. Но и дворнягой назвать её тоже не поворачивался язык.

У собачки на шее имелся ошейник, и по двору ходили слухи, что у неё когда-то был хозяин, вернее, хозяйка, проживающая в девятом подъезде этого же дома, но она выгнала собачку на улицу. На радость, ребятишкам, и на постоянное расстройство жильцов дома, потому что собачка справляла нужду в подъездах, где жалостливые детишки устраивали ей ночлег.

Но собачка была умненькой. Так, по крайней мере, казалось со стороны. Если она лаяла в подъезде, и её ругали за это, она выходила на улицу. Если она лаяла на улице, и на неё кричали, она лаять переставала. И к концу лета она бегала по двору, играя с детьми, почти молча.

Наступила осень. Сентябрь стоял дождливый, но тёплый, однако холода должны были наступить обязательно, и некоторые жильцы стали задумываться о судьбе маленького животного.

Бездомные собаки в округе водились. Это были уже не первые поколения местных собак. Летом они небольшими стайками бегали по району, а зимой рождались и прятались под трубами теплоцентрали, шарились по мусоркам, и чем-то существовали, то есть, как-то выживали.

Представить маленькую собачку, похожую на таксу, в роли такой же «тёртой» беспризорной собаки, переживающей приморские зимы, Иван не мог. Да и трубу наземной паровой теплоцентрали отключили навсегда, проложив меньших объёмов под землёй. Где сейчас будут прятаться собаки и бомжи – была загадка.

Но, бомжи как-то интересовали Ивана не очень, хотя, это, наверное – страшно, а вот судьба собачки заставляла задуматься. Наверное, потому, что собачку в дом, как думал, рассматривая собачку Иван, жена бы ещё позволила взять, а вот бомжа... Наверное нет.

Но Иван, вдруг вспомнил, что жена ушла два года назад, и он живёт своими желаниями и поступками. Обрадовавшись, что приёмьша не придётся «согласовывать» и увязывать с капризами жены, Иван позвал пёсика и взял его на руки. Тот с опаской пошёл к нему, привыкший к гонениям от взрослых человеческих особей, и, когда Иван взял его на руки, попытался лизнуть Ивана, но тот дунул ему в дырочки тёмно-коричневого носа, и собачка отвернула голову.

– Ты у нас не будешь гадить? – Ласковым и нежно рокочущим басом спросил Иван.

При росте в два метра с лишним, Иван был настолько широк в плечах, что любая машина, кроме Сафари, или Тундры, была для него маленькой. Но таких машин у него не было, и Иван ездил в любую погоду, и в любой сезон, на ещё дедовском мотоцикле с коляской «Днепр», восстановленном Иваном до состояния «Харлея».

У Ивана была своя автомастерская. Именно своя, а не арендованная, и занимался он, в основном, мотоциклами. Занимался лично. И двигателями, которые «фаршировал» всевозможными наддувами и впрысками, и внешностью. Он творил такие чудеса, что из простого хилого японца делал Илью Муромца, или Змея Горыныча.

Габариты и сила Ивана, позволяли ему обращаться с «железом» шутя, легко переворачивая рамы нужным местом, приговаривая:

– Ко мне передом... К лесу... задом.

Некоторые, особо «юморные», как они себя считали, друзья байкеры, глядя на кульбиты железных коней в руках Ивана, шутили, что после того, что он с ними вытворял, он должен на них жениться.

Иван незлобливо похмыкивал. Он был добрым. Но сильным. За его руки, силу и спокойствие Ивана уважали, а незнающие его близко – побаивались. Девушки, особенно молодые, любили, и его жене это не нравилось. Иван её понимал, но на ситуацию повлиять не мог.

Когда он на своём «Днепре», который уже не угадывался в космических обвесах, выезжал из гаража, девчонки от 14 и старше «писались» и висли на Иване, и на его байке гроздьями. А Иван, как уже говорилось это раньше, был добрым. И жутким бабником. Но уголовный кодекс чтит.

Со своей женой он прожил всего два месяца, познакомившись точно так же, прокатив двух подружек на своём «космическом шатле». Потом, он встречался некоторое время с одной из них, но будущая жена, будучи второй подружкой, его отбила и женила, обманув ложной беременностью.

Потом она пыталась изменить его жизнь кардинально и прекратить байкерские «сэйшны», поставив условие: либо я, либо они. Иван выбрал свою прежнюю жизнь.

Семейная жизнь в таком её варианте Ивану не понравилась, поэтому сейчас, неся собачку домой, он облегчённо вздыхал, мысленно крестясь.

* * *

– Я бы взял вот это, это и ту хрень, что в той тачке, – сказал Иван, имея ввиду железки и пластик, привезённые ему из Японии.

Знакомые, таскавшие подержанные тачки из Японии, зная интерес Ивана к мотоциклетным кузовным наворотам, попутно возили ему и всякие кузовные излишества.

Японцы, известные любители космических и фантазийных комиксов, свои байки обвешивали не хуже Ивана, и выдумки у них было явно больше. И навесы у них были не металлические, как у Ивана, а пластиковые, что, естественно, значительно облегчало жизнь мотоциклу. А склеивать пластик Иван научился ювелирно.

Склеивая одну «байду» с другой, Иван получал обвесы, даже «чудесатее», чем у «япов». Особенно такие цапки нравились молодежи. Хотя Иван и сам относился именно к этой категории, так как ещё не достиг возраста тридцати лет.

– Ванёк, забирай всё, – гундосил поставщик. – Сам знаешь, как сейчас с доставкой. И тачек мало возим. А из этого и этого можно...

– Не, Санёк. Не потяну всё. Пацаны попросили в рассрочку им тачки слепить... Жду пока денег.

– И у меня возьми в рассрочку... Я подожду.

– И сколько подождёшь?

– Да, отдашь и отдашь. Кому ещё, кроме тебя этот хлам нужен?

– Тогда сбрасывай цену.

Сговорились, и Иван поволок пластмассовые корпуса в прицеп. Возвращаясь в какой-то раз за «покупкой», Иван увидел в открытом багажнике одной из стоявших в боксе машин какой-то агрегат. Игрушку, напоминавшую здоровущий детский «бластер».

– Что это у тебя, Санёк? – Любопытствовал Иван.

– А, млять! Сыну подарок вёз. На свалке японской нашёл. К нему если питание подвести, он мигает прикольно и трещит. Что это, не понятно. Один пацан с нами был, компьютерщик,

тоже ни хрена не понял. Только посоветовал с малых вольт подключать. Мы до двенадцати дошли. На меньших он вообще не работает.

– И? Что он тут-то лежит, а не дома?

– Жена, чудище, выгнала. Говорит: «И так в доме игрушек...». Я же ему постоянно что-нибудь тащу со свалок автомобильных... В машинах старых игрушек валяется... Да и мал он ещё... Хочешь, возьми. Как бонус. Присобачишь куда-нибудь на байк. Маньяки блестящие штуки любят.

– А ты откуда знаешь? – Засмеялся Иван.

– Сам такой, – рассмеялся Санёк, парень лет двадцати пяти.

* * *

Иван, ковыряясь с новым байкерским «проектом», несколько раз в «перекурах» и перекусах подходил к лежащему на столе «бластеру» и успел к концу дня его хорошо разглядеть.

Это была сигарообразная штука пятидесяти трёх сантиметров с рядами маленьких, примерно трёхмиллиметровых круглых ямочек, прочерченных вдоль всего тела сигары. Ряды ямочек располагались в пяти сантиметрах друг от друга и было их двенадцать.

В одном, наиболее плоском торце «сигары», имелись отверстия, через которые Санёк и подключал игрушку к питанию, а в её центре было отверстие, как бы под штекер. Или микрофонный, или гитарный. А другой торец «сигары» закрывало что-то вроде мелкой сетки, но отверстия в ней едва угадывались.

Иван, как гитарист со стажем, даже подумал, что это может быть какая-то гитарная прищипка. Или что-то типа усилителя со встроенной колонкой, предполагая за сеткой наличие диффузора.

– Надо попробовать сунуть туда что-нибудь, – имея ввиду штекер гитары, подумал Иван.

Дома он первым делом так и сделал, но ни микрофон, ни гитара, никакого эффекта не произвели.

– Питания нет, – догадался Иван, и сунул в помеченные белым фломастером отверстия проводки, от ещё в мастерской собранного переменного адаптера, с помощью которого можно подавать электропитание различного напряжения, как переменного, так и постоянного тока.

Пёсик – приёмш крутился под ногами, и Ивану постоянно приходилось наклоняться почти до пола, чтобы его погладить.

Так ничего и не добившись от непонятного агрегата, Иван вспомнил, что еще не выгуливал собаку вечером и, быстро нацепив на Приёмша ошейник с поводком, вышел из квартиры.

На улице стояло лето, не смотря на конец сентября.

Прогулка не была долгой. Сделав все собачьи дела, приёмш сам отправился к подъезду. Иван повернулся назад, и вдруг в своих трёх окнах увидел всполохи пламени.

Иван выругался, и побежал к подъезду, на ходу доставая ключи.

На третий этаж он залетел, как на первый, и быстро открыв дверь ключом, слегка её приотворил, опасаясь выброса огня. Запаха гари не чувствовалось, но в коридоре прихожей он разглядел яркое разноцветное пламя.

Больше всего его удивило присутствие в нём синего и зелёного цвета. Обычный огонь гореть так не может, а веществ типа меди, или бора в его доме не было.

Про цветное пламя он знал, так как не мало уделял времени кузнечному искусству. Очень любил он ковать цветы и разные витиеватые безделушки. Период ножей и мечей у него закончился давно.

Осторожно пройдя в прихожую, он понял, что это не огонь, а свечение, идущее из зала его новой трёхкомнатной квартиры. Что удивительно, свечение проникало сквозь стены.

– Фига себе, игрушка, – подумал Иван, с опаской заглядывая в зал.

Игрушка светилась цветами радуги, но с уклоном в синий спектр. Вернее, не светилась, а излучала.

Как уже обратил внимание Иван, свет проникал сквозь стены, и, вероятно, сквозь половые и потолочные перекрытия, тоже.

Подойдя ближе к «игрушке», лежащей на журнальном столике, Иван потянулся к проводам и случайно притронулся к ней пальцем. Цветовая гамма лучей изменилась в сторону красного, и он отдернул руку.

Включив верхний свет, Иван увидел, что ползунок напряжения на адаптере сдвинут вправо намного больше, чем он устанавливал, и на его жидкокристаллическом экране обозначились цифры двадцать четыре.

Приёммыш подбежал к игрушке, обнюхал её со стороны проводов, а потом подбежал со стороны торца с сеткой, и исчез.

Иван присел в кресло, стоящее рядом с журнальным столиком, и заглянул за него, насколько мог перегнуться в кресле, пытаясь увидеть собаку. Собаки не было.

Ещё раз посмотрев на прибор, Иван уже понимал, что это отнюдь не игрушка, он увидел, что мигают несколько оконцев, а над ними в «междурядье» горят непонятные символы. Вроде как буквы или цифры, но совершенно непонятные ему. И ещё, Иван обратил внимание, что первое окошко несколько отстоит от других и не мигает, а просто горит красным огоньком.

Засунув в него тонкую отвертку, и очень нежно надавив, Иван почувствовал характерный обратный ход отвёртки, как от сработавшего нажимного подпружиненного выключателя. Свечение погасло. Приёммыш был на месте и вилял хвостом. В пасти он держал полевую мышь.

* * *

Лежащий на столике агрегат опасности не внушал даже подключенный к адаптеру, и Иван, отключив провода, взял в свои руки, и стал осматривать через всегда лежащую на столике лупу.

Он нашёл несколько участков на поверхности, похожих на слоты для микродисков. А с плоской стороны, над «отверстиями для проводов», ближе к краю, Иван нашел несколько «кнопок», расположенных по кругу. Кнопок, как и отверстий для проводов, было двенадцать штук.

Ивану показалось, что с плоского торца в «сигару» должен подключаться здоровый, в смысле «большой», круглый штекер с двенадцатью контактами и одним центральным. А что это за кнопки?

Не подключая питания, Иван нажал на одну. Она продавилась, и выскочила обратно в ладонь в виде цилиндра, с внутреннего конца имевшего утопленную в него кнопку.

– Похоже на дистанционный радио взрыватель, – подумал Иван.

Нажать на кнопку можно было только пальцем другой руки, всунув его в небольшое углубление. Из всех пальцев, только мизинец Ивана едва пролезил в отверстие. Но нажатие этой кнопки ни к чему не привело.

Снова подключив питание, Иван подумал, а вдруг мысль о взрывателе верная, но отбросил её.

– Слишком красивыми бомбы не бывают, – сказал он сам себе и нажал кнопку.

Ничего не произошло. Тогда он нажал маленькую первую кнопку в «том» же ряду. Агрегат ожил и через минуту засветился огнями.

Иван нажал кнопку на цилиндре и огни погасли. Только кнопки на приборе в одном ряду продолжали мигать, а символы над ними гореть.

– Давай, дружок, испытаем на тебе, – сказал Иван, посадил Приёммыша перед сетчатым торцом сигары и нажал кнопку «взрывателя».

Огни заиграли красками всё сильнее и сильнее, и собака пропала. «Экспериментатор» через пять секунд отключил агрегат, и собака появилась снова, имея весьма расстроенный вид, а также нос и лапы испачканные в земле.

– Там есть земля и полевые мыши, – подумал Иван. – И трава, сказал он, увидя зеленые ростки между собачьими пальцами.

Иван снова включил прибор, собака исчезла, а он пошёл на кухню, приготовил себе бутерброд и кусок колбасы Приёмьшу, вскипятил чайник, налил в кружку кипятка и положил в неё чай и сахар. Вернувшись в комнату он выключил агрегат и снова увидел свою собаку с полной пастью рыжей длинной шерсти.

Иван, вынув шерсть из собачей пасти, внимательно разглядел её.

– Точно лиса, – сказал он.

Однажды он добывал на охоте лису, которая мышковала и не почувствовала его подхода. Это было зимой. И шкурка той лисы висела тут же на стене. Приложив к ней «добычу» Приёмьша, Иван качнул утвердительно головой. Она!

– Значит там есть ещё и лисы, подумал он. – А где лисы, там и охотники. И из-за этого в мире нет совершенства, как говорил «лис» из сказки Экзюпери.

– А раз там есть охотники, то нужно иметь и самому оружие, чтобы не стать добычей, – додумал Иван.

Он уже точно знал, что шагнёт в тот мир сам.

Плотно прикрыв шторы во всей квартире и передвинув столик ближе к окну, чтобы «лепестки» излучателя не разлетались по чужим квартирам и не тревожили граждан, он подошёл к сейфу с оружием, достал «сайгу-410» и несколько магазинов.

Потом он переоделся в летний камуфлированный охотничий наряд для охоты на зверя с подхода, закрыл собачку на кухне, встал в фокус излучателя и включил агрегат.

Через минуту он стоял на краю опушки леса, переходящей в едва зеленеющий луг, а потом поле с хорошо вылезшими озимыми. В некотором отдалении виднелась просёлочная дорога, шириной в одну телегу, почти прямо идущую через луга и поля.

Устроив себе хороший схрон в валежнике Иван стал наблюдать. Оглядев в монокуляр озимые, он понял, что это овёс. Удобно устроив спину в развилке толстой ветки Иван задремал.

День у него сегодня был длинным, работы много, и у него дома стояла ночь. Проснулся он от громкого скрипа. Открыв глаза, он увидел проезжавшую по дороге телегу, с запряжённой в неё худой лошадёнкой. Оси телеги терлись о ступицу колеса и пищали немилосердно.

Иван подстроил монокуляр и хорошо увидел возницу – мужичка в треухе и коротком полушубке. Мужичок натянул поводья, спрыгнул с телеги и, набрав грязь в руки, стал ею смазывать колеса, а малец, забежав на поле с озимыми, стал воровато рвать овёс и укладывать его в торбу.

Набив её доверху, он надел её на морду лошадёнки, привязал её к верёвочной сбруе и запрыгнул на телегу. Мужичок дёрнул поводьями, телега рванулась из грязи и покатила, продолжая также скрипеть колесом. Мужичонка запрыгнул на телегу и хлестанув лошадь кнутом, заставил её ускориться.

Просидев в схроне ещё пару часов, и никого больше не увидев, Иван нажал кнопку и вернулся домой. Спал он этой ночью немного и беспокойно.

Весь следующий день он мысленно возвращался ко вчерашним событиям, что бы он не делал. Варил ли раму, или склеивал пластик, он всё равно постоянно вспоминал скрипучую телегу с мужичком и пацанёнком.

Не задерживаясь в боксе, он рано вернулся домой и принялся варганить себе одёжку. Кроме лисьей, у него были и другие шкуры: зюбриная, и медвежья, пара волчьих, несколько заячьих, подаренных двоюродным брательником, охочего до зайцев.

Из зайцев Иван сшил треух, а из волчих и шматка медвежей – хорошую телогрейку. Шил скоро и ловко, не заморачиваясь на особый крой, – мехом и швом наружу. Вместо пуговиц приладил палочки от вишнёвого дерева, лежавшие без дела уже несколько лет.

На льняных рубахах вместо пуговиц приладил джутовые завязочки, оторвал воротники, обметал пройму ворота. Были у него и льняные штаны, которые тоже пришлось наскоро «удревнить».

Сложнее было с обувью, но на первый раз Иван решил использовать свои унты из волчьей шкуры.

Приодевшись и положив в прочный полотняный мешок большой молоток и щипцы, несколько заготовок под ножи, недавно сделанную розу, Иван навязал на него верёвки, сунул туда сухари, завёрнутые в рушник с петухами, затянул его и перекинул за плечи. Оружие, кроме ножа, он решил не брать.

Кнопку-цилиндр он положил в небольшой мешочек, в котором раньше хранились какие-то специи, и повесил на шею. Нож в ножнах из оленьей кожи повесил туда же.

– Вроде готов, – сказал он сам себе, повязал Подкидышу верёвку вместо ошейника, и шагнул в другой мир.

Он появился на том же месте и в то же время, что и отправившись вчера. Добравшись до дороги по раскисшей земле от пошёл в ту сторону откуда ехала телега. Дорога была раскисшая малоезженная.

Иван очень не торопясь прошел по дороге около получаса, когда увидел едущую ему навстречу повозку.

– Давешний мужичок, – подумал Иван, и отступил с дороги в сторону.

Телега подъехав остановилась. Мужичонка и пацанёнок смотрели на Ивана раскрыв рты.

– Здрав будь, – наконец проговорил возница.

Иван что-то невнятно промычал, похожее на приветствие и показал на язык.

– Немый, чтоль? И отколь ты?

Иван показал большим пальцем правой руки назад, за спину.

– Это понятно. С города чтоль?

– Гы! – Сказал Иван.

– И куда идёшь?

Иван махнул рукой вперёд.

– Тату, дывысь яка пся...

Мужик махнул на мальчишку рукой.

– Нельзя тудыть. Там мор. Мы последние, считай, из Бороков бежим. Нет там никого... Живых... Нас бог миловал, выжили.

Он показал свежие оспины на своём лице и лице мальчонки.

– Вертай назад в Новогород.

Иван показал на себя, на ноги, на телегу.

– Коняга едва идёт, не вывезет. Ты вон, бугай якой. Ступай рядом, держись за воз.

Так они и пошли. Проезжая поле, возница сказал с сожалением:

– Ах, урожай какой сева¹ будет, коль не засохнет. Сынку, рвани для коника сева, пусть лыкаёт² трохиз³, а я колесо смажу.

Мальчонка спрыгнул и побежал в озимые, а мужичонка подошёл к колесу с пригоршней грязи.

Иван остановил его ладонью, развязав сидор, достал туесок с вазелином.

– Смаль? Богато живёшь путник, но как мы колесо снимем?

Иван достал из мешка молоток, стукнув по клину, выбил его, а потом, приподняв телегу одной рукой, сдёрнул колесо с оси другой.

Мужик зачерпнул грязной ладонью вазелин, мазнул им в ступице, поднял колесо и надел на ось. Иван вставив клин, закрепил его молотком.

– Здоров ты брат! Кузнец?!

Иван утвердительно качнул головой.

– А что из Новгорода ушёл?

Иван скривился.

– Понятно, – почему-то сказал мужик и они снова поехали, а Иван пошёл рядом.

Иван, идя сбоку и ближе к заднему колесу телеги смотрел больше под ноги, чтобы не залезть в лужу. Через пару часов, когда телега выехала на вершину холма, возница привстав на телеге взгляделся в даль.

– Уже и торговый град виден, сказал он, но вдруг осёкся. А чой то твоих следов не видно. Откель ты шёл то? Не с Куканова?! Так там же... тоже мор...

Он вдруг стегнул свою лошадку кнутом, телега дёрнулась, и Иван, едва не упав под колесо, отпустил повозку.

Постояв на пригорке и осмотрев открывшийся град в монокуляр, он увидел закрытые ворота и скопившиеся возле них возки. Увидел и кое-как выстроенные из телег временные жилища, стоявшие прямо в поле в раскисшей и разбитой ногами и копытами хляби.

– Мор – это плохо, – сказал Иван и, взяв на руки по уши грязного Приёмьша, нажал на кнопку возврата.

* * *

Покончив со своими заказами, на которые у Ивана ушла неделя, и чуть лучше исследовав агрегат методом «научного тыка», Иван начал готовиться к переходу в прошлое, а то, что тот мир был именно прошлым, сомнения не было.

Ещё раз сходяв той же дорогой, но уже без мужичка с телегой, Иван неплохо рассмотрел город, и не увидел белокаменного Софийского собора. На его месте стояли деревянные невысокие постройки. Не было видно и тринадцатиглавого деревянного храма. Значит это был период с девятьсот девяностого по тысяча пятидесятый год, предположил Иван, прочитав про Новгород в интернет-энциклопедии.

Иван сфотографировал символы, горящие на агрегате и обратил внимание, что под каждым экраном находились две утопленные микрокнопки. Такие же, как и первая – включатель.

Ткнув в правую кнопку первой группы, Иван увидел, что символ в экране изменился. Нажал на левую, возник предыдущий символ. «Логично», – подумал Иван. Также менялись и другие символы. Подсчитав символы до начала повтора, Иван понял, что всего их было десять. Экранчиков и пар кнопок под ними было сорок пять.

Прикинув, что где-то тут должны размещаться координаты точки входа и дата, Иван увидел, что после тридцать первой кнопки, если считать первой пусковую, на экранчиках горели одинаковые символы, кроме последнего, Иван предположил, что это могут быть «нули», обозначающие отсутствие параметров.

Иван составил десятиричную систему из неизвестных ему символов, и вместо них вставил «арабские цифры». Сравнив их с координатами Великого Новгорода, Иван нашёл комбинацию этих цифр на агрегате. Они обозначались на центральных экранах. Значит впереди стояли год, месяц, дата, время. И на них горели символы, обозначающие в переводе на русский: 001049; 03; 04; 09.

– А дата возвращения? – Подумал Иван.

Экранов с нулями было как раз двенадцать, как и у даты с временем.

– Ага. То есть можно настроить возврат из прошлого в ту же дату и то же время, что и отправлялся, или на любое другое.

* * *

– Саша, привет! – Позвонил Иван своему другу.

– Привет, Ваню!

Александр был наполовину грузином и это у него проявлялось в грузинизации имён друзей: Сашико, Мишико, Ваню.

– Саш, твой тесть распродал шкурки?

- Нет, Ваню. Не идут они что-то по нормальной цене. К чему интерес?
- Много их? И цена?
- Как лучшему другу, Ваню, уступим за двадцать рублей. Девять шкурок осталось.
- Я заберу.
- Завезти в мастерню? Сегодня? – Загорелся Сашка.
- Я там буду с часов одиннадцати.
- Окей! Готовь тугрики.

Потом Иван созвонился по телефону с продавцом меха чернобурок. Там цены были чуть дешевле, по «пятнашке». Это были самые дорогие шкурки. Соболь, – самый лучший, баргузинский, а лиса – финская.

Подойдя к мастерской в назначенный срок, Иван увидел нетерпеливо топчущегося возле своего «крауна» Сашико.

Тщательно проверив каждую шкурку и рассчитавшись с радостным Саньком, Иван прошёл в свою коморку-кабинет, в котором хранил своё богатство.

Последнюю квартиру он специально покупал рядом с автомастерской, и поэтому все свои габаритные и не особо нужные вещи хранил тут: и байкерскую кожаную одежду и утварь, и рыцарские доспехи, снаряжение и оружие. Всё было сшито, отштамповано, и выковано им самолично.

Тут же в сейфе лежало и несколько отштампованных им шведских динариев периода царствования первого христианского шведского короля Олафсона. Семь из них были обычными, – серебряными, один – золотой. Золотые в кладах ещё никому не попадались, да и не было их, наверное, отчеканено, но Иван один изготовил. Очень уж ему понравилось, как он идеально сделал штамп.

Смотрел Иван на всё это богатство, и не знал, что выбрать, а выбирать было надо. Так просто в прошлое не завалишься. Это сейчас всё перемешалось. Можно и в рубище на улицу выйти, и никто не поймёт и не осудит. Может быть лишь назовут мысленно «фриком», а там... И встречают по одежке, и по ней же провожают, либо поклоном, либо кнутом, а то и топором в спину.

Иван освоил много полезных для себя профессий и набрался различных навыков. Закончив институт и получив диплом автотранспортного инженера-механика, после общения с двоюродным братом, он проявил страсть к ковке и поступил в Питерскую художественно-промышленную академию имени А.Л. Штигица, которую окончил с отличием.

Её библиотеки, музеи, мастерские и методические кабинеты много дали Ивану, и сейчас его творческая натура требовала раскрытия.

Освоив программу магистратуры Иван сейчас мог проявить себя в профессиональной деятельности с декоративными изделиями и предметами из любого материала. Помимо умения и понимания железа в академии ему привили любовь к скорняжному ремеслу и иконописи.

Особенная тяга у Ивана была к ювелирному искусству. Но столкнувшись с государственным контролем в этой сфере, Иван загрустил. Слепив пару-тройку изделий и, «подарив» их друзьям, он, убоявшись репрессий, уголовщину прекратил.

Ещё, он безумно любил древние монеты. Отчеканив своим штампом шведские динарии, он млея, их разглядывая, но никому не показывал, понимая, что топор правосудия очень близок.

И теперь, понимая, что ему даёт путешествие во времени назад, в плане пополнения его нумизматической коллекции и изучения народного творчества, Иван пускал слюни.

Скудоумием он не отличался, и понимал, даже никаким боком не относясь к разведке, что ему придётся вживаться в совершенно иной образ.

Поэкспериментировав с агрегатом, подключив к питанию соседние ячейки, Иван заметил, что выше расположенные цифры обозначают время и место выхода из прошлого, а нижние совпадают со временем и местом настоящего.

Это помогало настроить следующее время входа в прошлое, чтобы не прерывать последовательность своих там действий.

А ещё до Ивана дошло, что агрегат использовался кем-то, и куда делся этот кто-то, не известно.

Решив взять с собой только кольчугу с капюшоном, молот и длинный нож, больше похожий на короткий меч, он стал определяться с точкой входа и временем в прошлое.

Понимая, что в любые века и в любом месте выживает сильнейший, Иван предполагал, что начинать ему, в любом случае придётся с драки. Во-первых, для того, чтобы защитить своё имущество. В те века, имея ввиду десятые и одиннадцатые, феодал имел полное право напасть на соседа и забрать имущество. Так же, как и напасть на любого, проезжающего по его территории.

Как писали историки, провинция Шампань на какое-то время стала центром проведения ярмарок только потому, что местный феодал гарантировал компенсацию ограбленным торговцам. Никто другой из феодалов этого не гарантировал.

Надев на льняное бельё сшитые им шерстяные штаны по типу матросских, с клапаном впереди, и такую же рубаху, закрепив всё это флотским кожаным ремнём, Иван надел кольчугу, волчью куртку и унты. На голову надел войлочный капюшон. Куртку перевязал кожаным поясом со скобой для топора и ножами.

Осмотрев «кабинет», Иван, перекинув через одно плечо сидор с одной шкурой чернубурки, молотом, стальными заготовками и другим скарбом, а через другое плечо чехол с ясеневым полутораметровым копьём, нажал кнопку.

Глава 2.

Южная дорога на Любек в ночное время была пуста и на удивление суха. Это Иван определил, переступив с ноги на ногу и пошарив вокруг руками. Стояла крошечная темнота, а Иван не догадался закрыть перед переходом из света во тьму глаза.

Включив зелёный лазерный фонарь, Иван огляделся. Дорога, выложенная камнем, уходила в темноту. Накинув на глаза прибор ночного видения, он двинулся на север. Дорога петляла. По сторонам, в некотором отдалении, то там, то тут, угадывались строения, похожие на землянки. Рядом с некоторыми дотлевали очаги.

Иван спустился в ложбину, и под его ногами захлюпала грязь, но, примерно, минут через сорок дорога пошла резко вверх, и Иван упёрся в стену. Вернее, в ворота в стене. По здешнему времени в Любеке стояла полночь 966 года.

Не раздумывая, Иван постучал концом копья в ворота. Никто не отозвался. Постучав ещё и ещё, Иван уже хотел начать обходить стену, как его окликнули:

– Кто е?

– Витчиняйте. Подорожник.

Из-за ворот что-то сказали на непонятном Ивану языке, и Иван догадался, что идея с украинским, не прокатила.

– Да открывай, мать твою, – грозно крикнул Иван, – жрать охота и поспать бы!

– Рус-Рус!? О! Харашо! – Забубнили два голоса и за воротами послышался звук, открываемого металлического засова.

Открылась низенькая маленькая дверка, ранее Иваном не замеченная.

– Ком! Ком! – Проговорил высунувшийся в неё человек и исчез.

Иван, не веря чуду, просунул в дверь не голову, а сидор, и едва удержал его в руках, так как по нему прилетело палками сразу с двух сторон.

Резко кинувшись в проём двери, не снимая прибора ночного видения, он засадил правому тупым концом древка, а второму ткнул остриём под рёбра и приподнял его над землёй. Хорошо так ткнул, видя, что тот защищён кожаным панцирем. Начинать свой первый день с убийств Ивану не хотелось.

Первый, получив в промежность, не поднимаясь, корчился и постанывал, второй подёргивал ногами, чуть касаясь ими земли, и держался за копьё двумя руками.

– Ну, змеинное племя, пошто порешить меня хотели?! В чём грешен христианин перед вами?!

Висящий на копье хрипел. Иван, чуть опустив его, ткнул пяткой правой ноги поднимавшемуся первому привратнику в колено, и тот, снова взыв, завалился на бок. Перетащив второго, он сбросил его на первого, и, занеся копьё, крикнул:

– Порешу, вражьи души!

Продолжая «играть» Иван, видел, стоящего на крыльце какого-то высокого здания человека в плаще и капюшоне, а за ним несколько лучников. Прикрывшись сидором, который держался на плоской титановой пластине, Иван ждал.

– Не стрелять, – со словенским акцентом произнёс негромко главный. – Кто ты есть? Русичь? Откуда?

– Оттуда, – махнув рукой на юг, сказал Иван.

– Что хочешь?

– За стенами поспать. Я заплачу!

– Христианин? – С удивлением спросил он.

– В Риме крестили

– В Риме? – Совершенно спокойно, без эмоций, спросила фигура. – Расскажешь. Можешь устроиться сейчас с лошадьми, под навесом. Не замёрзнешь?

– Спаси Бог за доброту! Воды бы испить...

– Там судно⁴ (кадушка) с водой и ведро⁵(ковш).

– Спаси бог, – повторил Иван и поклонился.

Ногу с привратника он снял, освободил приколотую к земле копьём куртку, и они двое зашевелились.

– Пусть не балуют! – Попросил Иван и отступил в сторону. ПНВ он поднял на верх и спрятал под капюшон.

Вспыхнул факел, осветив живым, колеблющимся светом двор монастыря.

– Хорошо, что ты не стал убивать их, – сказал человек в плаще.

– Не убий... ведь...

– Ну-ну... Покажи ему хлев, – приказал человек, и служка с факелом побежал в дальний угол крепости.

– Следиб(Ступай).

* * *

Иван всю ночь не сомкнул глаз. Растянув вокруг себя вязанку «ежей», он мог бы спать спокойно, до первого вскрика, но он так и не заснул до первых лучей солнца. Нервы. А с солнцем ожил и двор монастыря. Первыми из пристроенной к стене конуры вылезли ночные привратники.

Иван лежал, претворившись спящим, и они оба подошли к нему, не решаясь подходить слишком близко. Пошептавшись, они, увидев настоятеля, быстро от него отошли. Иван пошевелился и, поднявшись с войлока, потянулся.

– Великий ти, брат! – Сказал настоятель. – Како ти спал?

– Хорошо, отче... Слава Богу!

– Пошли к заутрене.

– Опроститься бы?

– Следи за ним, – настоятель указал на сторожа и тот отвёл, куда надо.

Обмыв руки, Иван прошёл вслед за всеми в двери, и они оказались в просторном помещении с крестом у противоположной стены. Перед ним стояла братия, человек двадцать и вчерашние привратники.

Иван, остановившись на входе, пропустил настоятеля вперёд и двуперстно перекрестился на крест, повторив его движения, достал из-за пазухи большой серебряный крест, поцеловал его.

– За такой крест и хрияне убияти⁷. Не изживай (искушай), жгаль (прости) ми Бог⁸. Сховай.

Иван крест спрятал и склонил голову.

Службу читали на латыни. Иван молился по-русски.

Рядом с ним пристроился зашедший в храм монах в плаще, который явно прислушивался к его молитве, а после службы побежал к настоятелю докладывать.

Все монахи приложились к руке настоятеля, и тот позвал Ивана к себе, но руку не подал.

– Кому ти молил? – Спросил он.

– Христу. И богу единому.

– А ну... помолись.

Иван прочитал символ веры.

– Почему по-русски?

– Так понятней. Папа Римский Иоан самолично перевёл, записал мне своей рукой, и заверил своей печатью.

Иван поднял сидор, достал из него кожаный тубус, развязал ремешки и вскрыл его. Вынув пергамент, с которого свисала на синей и жёлтой нитках свинцовая печать, Иван передал его настоятелю.

Тот, взяв его двумя руками, развернул.

– Это рука Папы!? – Изумлённо спросил он.

– Да. Это он писал, когда ещё не был Папой. Он был ещё юным, но, когда стал Папой, заверил перевод своей печатью. Я был его рабом... Вернее, рабом его отца, патриция Кресцентия. Мы с ним вместе выросли. А когда он учился в школе певчих, мы вместе учили псалмы.

Настоятель ещё удивлённее посмотрел на Ивана. Тот, оглядев помещение, и «качнув» его грудным звуком «и», запел:

– Беатус вир куи аббиит...

Его голос, оттолкнувшись, от стен, затрепетал голубем, собрался и окреп в центре храма. Братия усиленно закрестилась, опустившись на колени.

Перекрестился и настоятель. Потом он стоял, сложив руки на груди, до конца псалма.

– Хвала Богу! – Сказал он, возвращая пергамент. – Гремостъ9 (Пошли есть).

– Умыться бы, настоятель.

– Я не опат10. Я князь Након Любекский.

Иван преклонил голову.

– А я – Иван Кресцентий, – сказал Иван и вынул из-за пазухи золотой Римский солид на котором было написано «кресцентий».

Теперь князь преклонил голову.

– Я не патриций, князь, и не сын патриция. Я просто Иван.

– И что же ты тут делаешь?

– Живу своей жизнью. Иду на Рюген. Туда ушли, как говорят, мои родичи. А больше идти мне некуда.

Князь внимательно посмотрел на Ивана.

– Теперь понятно, – сказал он, и повёл Ивана за собой.

* * *

В крепости у Накона Иван гостил уже третий день. Кроме прибора ночного видения и фонарика, артефактов будущего у Ивана не было. Да и их он «отнёс» назад в будущее.

Князь был немного старше Ивана по возрасту, как он сказал: «тридцать одна зима», но выглядел значительно суровее. Его лицо испещряли морщины и шрамы. И именно на это князь сразу обратил своё внимание, когда узнал возраст Ивана.

– Слишком ты гладкий для воина, – хмыкнул он.

– Да, я... В общем-то и не воин, – сказал Иван. – Так... Погулять вышел. Участвовал, иногда в междоусобицах патриция... Да в боях, что он устраивал для своих гостей.

– И чем ты дрался? – Спросил князь. Глаза его смеялись. – Хотя... Копьём ты справно владеешь...

– Молотом.

– Молотом?! – Удивился князь. – Не рыцарское оружие.

– А я и не рыцарь. К кузне приставлен был с детства, вместе с батюшкой моим.

Иван достал из сидора молот на длинной железной рукояти, выдернул наверх и поставил его рукоятью вертикально на ладонь вытянутой вперёд руки.

Немного подержав, Иван сбросил молот вниз, перехватив его обратным хватом возле молотка, развернул рукоятью вверх, и стал вращать вокруг кисти и своего тела. После очередного заворота за спину, он перекинул молот через плечо и поймал его за конец рукояти, продолжил вращать вокруг себя. Скорость вращения уменьшилась, но гул, издаваемый молотом, стал страшнее. При Ивановых габаритах и длине рук подойти к нему ближе чем на три метра казалось не реальным.

Князь стоял, слегка приоткрыв рот, потом опомнился, увидев взгляд Ивана, прикрыл зевало, и покачал головой.

– Даже проверять тебя, какой ты воин, нет желания, – изумлённо сказал князь.

– Патриций любил хвастать моей силой. Когда к нему приходили гости, он ставил меня против четырёх их слуг. Не могли подойти. Мечи, копыя, щиты – всё в кашу, – говорил Иван, не переставая вращать молотом.

– Я так целый день могу, но с двумя молотками красивее выходит, – сказал он, остановил вращение, перехватив рукоять у основания, и подал молот князю рукоятью вперёд. Дыхание его было ровное.

Князь, взяв молот, охнул, уронив его наземь.

– Чёрт здоровый! – Восхищённо воскликнул он, потирая кисть правой руки.

Он подошёл к Ивану, и как-то по-новому взглянув на него, спросил:

– И что же ты тут делаешь, Иван – сын патриция.

– Гуляю. Я же сказал. Мои родичи с острова Рюген ушли, когда меня ещё не было. Вот иду туда. Дома у меня нет. Родителей тоже.

– Понятно, – сказал князь, прищурился. – А кузнец ты какой? Добрый? Что можешь?

– Всё могу.

– Покажешь?

Иван посмотрел на князя, и поинтересовался:

– В кузнецы меня сватаешь? Не пойду я в кузнецы. Намахался. А вот показать – покажу.

Иван снова залез рукой в карман сидора и достал тряпицу, которую передал Князю.

– Дарю! – Сказал он просто, – За доброту твою, князь.

Након развернул подарок и увидел кованную розу, невероятной красоты.

Князь держал её двумя руками и смотрел не отрываясь.

– Сказать, что я восхищен? Это пустые слова. Спаси тебя Бог. Мастер!

– Такой цветок рисовали на щитах мои предки. Так говорил мне мой отец.

– Такие цветы были на щитах воинов с Рюгена, которые убили моего брата Стойгнева, когда мы воевали против саксов. Они поддержали наших врагов и напали на нас сзади.

Иван с интересом посмотрел на Накона.

– И что там, на Рюгене?

– Там не любят христиан, Иван, и... там не любят меня. Поэтому, помочь тебе ничем не могу.

Иван стоял, опустив голову.

– И что же мне теперь делать? – Спросил он самого себя.

Князь развёл руками и улыбнулся.

– Гулять. Жить. Хочешь туда?

– Посмотреть хочу. Отец много рассказывал.

– Мои земли заканчиваются у самого острова, но убедить рюян в этом сил у меня сейчас нет. И они продолжают грабить их. Многих воинов мы потеряли в войне с саксами. И с рюянами.

Князь с интересом посмотрел на Ивана и предложил:

– Хочешь, я тебе эти земли передам на лен¹. Договорись с рюянами, глядишь и пустят они тебя на остров. А просто так туда идти не советую. Люты они до христиан.

– Какие земли?

– Ростока. Но воев для тебя у меня нет.

Иван оглядел деревянный невысокий трехэтажный замок, обнесённый деревянным частоколом стен.

– Это твой замок? И твои вои?

– Да. Я здесь вырос. Но гард стоит ниже по реке. Там и семья моя... жёнка, дети и я сам обитаю. Большой гард. Аж три крепости.

– А стены?

– Завтра поедем, посмотришь.

* * *

Утром, после заутренней молитвы и завтрака, они тронулись в путь. Лишнего коня Ивану не нашлось. Пришлось одному из княжеских воинов ехать на повозке, загруженной каким-то скарбом. Скарб укладывали в телегу затемно, и он был прикрыт рогожами, но Иван сразу определил, что там что-то сильно тяжёлое. Две лошади, низкорослые, но крепкие, с трудом тянули телегу с грузом и двумя седоками. Груз позвякивал и погромыхивал.

– Оружие? – Прямо спросил Иван.

– Да, – сказал князь не очень охотно. – Потеряли много в болотах... Куём помаленьку.

– К оружию руки нужны.

– Дай Бог народятся и новые подрастут. Да и идут к нам из разных мест, где христиан притесняют.

– И вы всех сразу не в плуг, а под ружо?

– Плуг? Что есть?

– Орало.

– А-а-а... Нет... Сначала в плуг.

Князь рассмеялся.

Так, разговаривая, они ехали недолго. Дорога, шедшая на север, плавно заворачивала вправо и вышла на берег не глубокой, но быстрой реки, через которую отряд переправился, не слезая с лошадей и не замочив ноги. Дорога вышла на пригорок, и Иван увидел перед собой другую реку и остров, образованный слиянием трёх рек. Дорога вела к мосту через башенные ворота. Стен у города не было.

– Плохо, – сказал Иван, едва удерживая под собой чужую лошадь, рванувшуюся из-под него вниз по склону.

– Что плохо? – Спросил, догнав его, и перехватывая узду, князь.

– Стен нет.

Иван, свесив ноги почти до земли, натянул повод, слез с лошади и, поклонясь, передал его спрыгнувшему с телеги воину, с благодарностью посмотревшему на Ивана. Он, всю дорогу, трясясь в телеге, отворачивал обиженно голову в сторону от своей лошади. Иван, не стал оскорблять чувства викинга. И князь правильно понял поступок Ивана.

– А ты... политик, Иван.

– Рим без политеса, – не Рим, – с глубокомысленным видом сказал Иван банальщину.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Может быть тогда у нас с тобой что-нибудь и получится.

– У нас? – Иван посмотрел князю в глаза.

– У нас. Или ты пойдёшь гулять дальше? – Усмехнулся перерезанными шрамом губами князь. – Направо – враг твоего патриция Оттон, налево – его друзья саксы, прямо – болота и дикие даны.

Иван усмехнулся, взял под узду княжеского коня, тронул его с места, толкнув его морду вперёд, и пошёл по дороге, держась за княжеское стремя. Это был его немой ответ на прямой вопрос князя.

– Ну ты... Великий ты политик, Иван! – Вскрикнул радостно князь, хотел хлестнуть коня плетью, но передумал, и стремя из руки Ивана не вырвал. Конь шаг прибавил, и Ивану пришлось немного пробежаться.

Князь натянул поводья, остановил коня и слез с него. В какой уже раз посмотрев на Ивана с прищуром, он приобнял его и ввел в городские ворота.

– Гляди, какой град! – Сказал князь, показывая рукой на стоящую недалеко крепость за пятиметровым частоколом стен.

– Град хорош, но стены нужны везде, – ответил Иван, цыкая зубом. – Даны вас тут как кур передают. По морю придут и передают. И ты бы князь об этом позаботился прежде, чем умереть.

Князь отшатнулся, но посмотрев на спокойное лицо Ивана, спросил:

– Что-то знаешь?

– Много знаю, – вздохнул Иван, – но ещё больше не знаю. Долго говорить надо.

– Поговорим ещё, – сказал князь, и отдал коня выбежавшему из крепости воину. Следом за ним бежали двое парнишек: один лет тринадцати другой помладше.

– Сыны мои, – крикнул князь и подхватил обоих

– Тату, – захныкал младший, – а Мстивой меня дражнит лягухой, пошто у меня цыпки.

Князь оглянулся на Ивана, засмеялся и потрепал старшего по лохматой шевелюре.

– Эх вы... Цыпки с Лягухами! Привечайте гостя. Аж из самой Ромеи к нам пришёл. Иван зовут. А я пока мамку вашу обниму.

Он толкнул детей в сторону Ивана, а сам обнял крепко сложенную женщину с кольцами волос на голове, в синем, длинном, до щиколоток, шерстяном платье. Спереди шов её платья и края длинных рукавов были расшиты жемчугом и цветными нитками. Под полами платья Иван разглядел коричневой кожи носки обуви.

Подав руку старшему, который с удивлением пожал её, и взяв двумя руками ладонь младшего, спросил:

– Одного, понятно, зовут – Мстивой, а второго Мстиграг?

– Мня зовут Пётр, а это Клим, – сказал старший.

Младший прятался за его спину.

– А, ну, смотрите, что у меня для вас есть, – сказал Иван, и полез в свой сидор.

Первым он вытащил деревянную машинку на больших колёсах в виде лягухи у которой при вращении колёс раскрывалась пасть и высовывался язык.

– Это Климу, а это Петру, – сказал Иван, доставая большой раскладной нож, его собственной работы, с деревянной ручкой и с кольцевым фиксатором лезвия.

– Тату, лягуха, – радостно закричал малой. – Ротом жмакает!

– Ух ты! – Обмер Пётр, когда Иван раскрыл ему нож.

– Ничего? – Спросил Иван князя.

– Как раз! – Удивлённо сказал князь. – И много у тебя там цацек?

– Нет. Но для твоей хозяйки найдётся. Позволишь и ей преподнести?

– Подноси.

Иван достал небольшую коробку из сандала и передал с поклоном княжне.

– Княжне подарок княжеский. Своими руками сделал.

Княжна пожала плечами, взяла коробочку и почувствовав аромат сандала приложила её к носу.

– Ах! – Сказала она, повернув вставленный в неё ключик. В ларце лежали серебряные серьги с синим камнем.

Княжна растеряно оглянулась на мужа, тот развёл руками.

– Вот такой у нас гость, Ирина. Очень необычный гость, – сказал князь покачивая головой. – Пошлите в хату, а то люди собираются. Не ладно.

За стенами крепости стояли обычные русские княжеские хоромы: подkletь, клеть, и так несколько собранных вместе зданий с переходами между ними. Снизу – хозяйские постройки и жильё для слуг. На второй этаж шла двусторонняя лестница.

– Что за камень, ты моей жонке подарил?

– Лол12 (Рубин). Синий. Из Германии патрицию привезли целую жменю. Я ему кольца делал, серьги. А он их мне отдал. Он же епископом стал. А жены у него нет. И мне ни к чему. Я платье княжны увидел и вспомнил.

– Хитёр ты брат, – одобрительно прошептал князь.

– Я же тебе говорил: дома у меня нет, а ты мне вроде как предлагаешь целый удел. Ты мне, я тебе. Куда мне их? Самому носить?

Князь рассмеялся.

– Кажут, что предыдущие папы носили, прости господи, – сказал он и перекрестился.

– Кажут, – прошептал Иван. – Там и не то было, прости господи.

Они дружно рассмеялись и князь, приобняв Ивана за плечи, подтолкнул вверх по лестнице.

* * *

Домашние князя знали, когда он приедет, поэтому столы уже были накрыты, а приглашённые ожидали во дворе замка. Князь, поднявшись на крыльцо, обратился к ним.

– Я пригласил вас всех за мой стол, потому что у меня праздник. Из Рима пришёл Иван, мой хороший друг, и я хочу, чтобы вы познакомились с ним. Прошу всех за мой стол.

Князь обвёл руками столы, выставленные прямо на улице несколькими рядами.

– Тут собрались многие князья наших земель. Почти со всех. С Магдебурга нет и с Ростoka. Там у нас временный местник. А может и убили его уже. Или в полон взяли вместе с людишками. Этот третий с конца холодов.

– Так сейчас, вроде, юниус только... и третий? – Спросил Иван.

Разливальщики пополнили чаши и встал князь.

– Я хочу представить вам Ивана, други мои. Предки его из руян, но родился он в Риме. Был рабом и кузнецом у римского патриция. Очень хорошо машет кувалдой. Сам видел. Так машет, ажно душа на небо просится, так страшно. Он пойдёт на стол Ростoka.

За столом загудели. Послышались голоса:

– Загубишь воя, Након. Ну его, этот Росток. Силёнок накопим, сами отдадут.

– Ему бы десяток таких, как он... тогда только.

– Да где ж их взять десяток, всё по домам сидят, вои, – крикнул дед, – под бабьим крылом13 (подол).

– Так мы не знаем, что он сам за вой.

Князь ткнул Ивана локтем. Иван тяжело вздохнул, поднялся и вышел из-за стола, перешагнув общую длинную скамью.

– Выходи строиться! – Крикнул он. – Один давит на голову двумя руками, другие давят на первого, помогают. Только выберите у кого руки крепкие, а то сломаете.

Иван встал набычившись, а в его голову руками упёрся здоровый, как и Иван, бугай. Ему в спину толкали человек десять. Иван стоял не шелохнувшись. Потом ему надоело и он, шевельнув головой, уронил толпу на землю.

Оглядев двор и узрев рядом с жаровней, на вертеле которой пёлся здоровый кабан, толстую кочергу, он взял её и легко обмотал вокруг своей руки, а потом раскрутил обратно. Показав её всем, он снова закрутил её вокруг руки и отдал сидящим за столом.

Зрители гудели и гоготали. Раскрутить обратно её смог только давешний здоровенный викинг, который упирался ему в голову ладонями.

Иван одобрительно показал ему два кулака с поднятыми вверх большими пальцами, забрал кочергу и выпрямил её, выровняв лишние изгибы, а потом скрутил её вдоль оси винтом и передал бугаю, но тот замахал руками, покачал головой и вернулся за стол.

Стольники гоготали, ревели и продолжали гулять.

– А чего с молотом не показал? – Спросил князь отведя Ивана в сторону.

– Да ну его... Вдруг кто с дуру полезет? Пир не место для драки.

– У нас не так. Погодь, они ещё и борьбу начнут.

Славяне и викинги гуляли долго и шумно. Из не видимых ранее Иваном воинских забав, его поразило стуканье лбами. Треск во дворе стоял не шуточный, когда вдруг все разом вои, разбившись на пары стали биться лбами. Выбывающие отходили, а победители продолжали биться.

– Жуткое зрелище, – сказал Иван князю, передёргивая плечами от очередного лобного столкновения. – Там же мозг!

– Что там?

– Ум. Душа.

– Нее-е, душа тут, а там кость, – сказал князь и стукнул себя кулаком в грудь.

Звуки некоторых голов были глухими, а некоторых звонкими, как колокол, и когда над поляной разносился такой «бом», он сопровождался общим смехом.

Иван захмелел вдруг. Организм, не привыкший к напиткам, типа браги, завертело, Иван отошел в сторону нужника, и выплеснул там и съеденное, и выпитое.

– А вот тут ты слаб, Иван, – сказал смеясь князь.

– Я вообще не...

– Пошли в схрон¹⁴. Отдохнём. Посидим поговорим.

Они поднялись в замок и вошли в просторную комнату с окнами на три стороны. Как заметил Иван, икон в комнате не было. Справа стоял большой обеденный стол со скамьями у стен, слева в углу открытый очаг на подножье из глины, обложенный камнями. Стены в углу у очага были обмазаны глиной тоже. Вместо потолка на перекрытиях лежали дощатые полки, на которые вела приставная лестница.

Они сели за стол. Иван снял с пояса флягу и отпил из неё.

– Что в ней? – Спросил Након.

– Вода, – сказал Иван и потянул флягу князю.

Фляга была алюминиевой, но задекорированной под тыкву и как-то при случае купленной в сувенирном магазине в Греции.

– Просто вода? – Удивился князь. – Я слышал в Риме больше пьют не воду, а сок ягоды вино. Вкусный, говорят, и хмелит, как брага.

Иван достал из сидора другую флягу и подал князю.

– Это вино, – сказал он, открыл флягу и отпил из неё сам.

Приложившись к фляге и распробовав напиток, князь сделал несколько больших глотков.

– Правду говорят. Хорошее питьё.

Князь вытер левой рукой губы, усы и бороду и нерешительно посмотрел на Ивана.

– Спрашивай, князь, – со вздохом сказал Иван.

– Кто ты? – Задал первый вопрос князь. – Вернее... За чем ты здесь? Тебя послали? Папа? Кто?

Князь сидел, наклонив голову и смотрел в пол.

– Слишком ты... непохожий. Ни на кого. Как Геракл. Ты всё делаешь не так. Ешь, спишь, пьёшь, ходишь и говоришь. Кто ты?

Иван снова вздохнул. Этот разговор у него с князем начинался уже не в первый раз и Иван ещё ни разу не нашёл правильных ответов. Сейчас у него был ещё один вариант.

– Я волхв, сын волхва, князь, – грустно сказал Иван.

Након посмотрел на него, повернув голову направо, чуть приподняв её от пола.

– И пришёл сюда, потому что вижу наперёд и назад. Не всё, смутно, но вижу.

– И что же ты видишь? – Серьёзно спросил князь.

– Пока вижу погибель твою от руки друга твоего.

– Кого? – Усмехнулся князь, явно не доверяя произнесённым словам.

– А кто сюда первым войдёт. Заговорщиков трое. И в снах моих они приходят, то один, то другой. Будивой, Чтибор и Ярослав. Кто-то из троих зайдёт. Спросит, всё ли у тебя в порядке, подойдет и перережет тебе горло.

Князь заметно вздрогнул.

– За что?

– За веру твою. За предательство.

– Так я же...! Чтобы спасти люд, взял на себя гнев старых богов...

– Вот они и исполняют их гнев. Так они думают.

– Не верю.

– Скоро поздно будет. Скоро придут. Один войдёт, двое за дверью останутся. Много раз я такое уже видел.

– Докажи, что ты волхв... – почти умоляюще попросил князь.

– Хорошо. Дай мне руку и встань.

Иван взял поданную ему руку, а правую положил себе на грудь, и они перенеслись к воротам замка, из которого сегодня приехали. У Ивана на груди висело несколько кнопок, позволяющих ему перемещаться по времени и пространству.

– Поверил? – Спросил Иван, отпуская руку князя.

Князь молча подошел к воротам крепости и ощупал их.

– Я сплю.

– Нет князь. Не спишь. Мы сейчас ушли из того места, но вернёмся туда в тот же самый миг. Сейчас мы с тобой можем разговаривать хоть до вечера, но вернёмся в замок, и всё будет идти, как и шло. Ты можешь взять оружие и ждать убийц. Когда они войдут, ты будешь готов.

Иван протянул ему меч.

– Откуда он у тебя? – Спросил Након.

Иван развёл руками.

– Оттуда...

– Ты волхв, – выдохнул князь, беря меч. – Вертай назад.

Иван нажал на другую кнопку, и они снова оказались в комнате замка.

Князь сел на скамью и положил меч на колени. Иван встал и отошёл к очагу.

– Я не буду тебе мешать, а заодно других остановлю. Я не буду их убивать. И ты старайся не убить. Они добрые вои и, действительно, твои друзья. С ними поговорить надо.

– Поглядим, как получится, – мрачно отозвался князь.

В дверь стукнули и она открылась. Вошел воин в кожаной куртке. Он мельком глянул на стоящего слева в углу Ивана и спросил:

– Что ушёл, князь? Нас оставил. На попа Римского променял?

Говоря это он мелкими шажками подходил к столу, а потом, вынув из левого рукава нож, резко наклонился к князю и уперся своей грудью в острие меча. Иван со спины зарядил ему ладонью в челюстной сустав. Будивой рухнул на пол. На звук в открытую дверь заглянул Чтибор.

Увидев князя, уже вышедшим из-за стола и стоящим с мечом по центру комнаты, он растерялся.

– Подь сюда! – Громко и властно приказал ему князь. – Вяжи ему руки. Попытался убить меня, – сказал он, показывая на нож в руке у лежащего, на лезвии которого стоял Иван, придавив руку Будивоя.

Опешивший Чтибор оглянулся и увидев висящий на стене повод, снял его, и не очень уверенно подошёл к телу.

– Вяжи крепче!

Иван откинул нож в сторону ударом унта по кисти, и отошёл в сторону.

– Ярослав! – Крикнул он в дверь, не решающемуся войти вою. – Помоги ему!

Вместе, Ярослав с Чтибором быстро повязали подельника и топтались, не зная, что делать дальше.

– Ступайте к столу... И рцы15, мне. Не баламутьте люд. Всё про ваши задумки знаю. После поговорим.

Он говорил отрывисто и сурово, а потом вдруг обмяк и проговорил:

– Дурни, вы дурни...

«Дурни» стояли понурившись.

– Для чего оружие, чаєте, готовлю? С кем воевать? Ступайте уже. И без дури мне! – Снова возвысил он свой голос.

– А что с ним? – Спросил Чтибор.

– В очи ясные погляжу ему, а там решу.

– Не будь строг, князь.

– Ступайте уже, пока не передумал!

Глава 3.

Темнело. Иван с князем стояли на крыльце. Столы и скамьи убрали в подклеть. По двору, чаще парами, мотаясь из стороны в сторону, бродили гости. Дворовые князя постепенно выдавливали их за ворота.

Будивоя князь передал на руки его подельникам. У того продолжала кружиться голова, и сам он идти не мог.

Говорил князь с ним долго, предварительно упросив Ивана постоять на крыльце, а после разговора вышел и позвал Ярослава и Чтибора, крутившихся неподалёку.

– Ох и приложил ты его, – сказал долго молчавший князь.

– Нешто очухается.

– И как дальше?

– Послушаешь меня?

– Куды ж теперича?

– Ни с кем пока не воюй. Крепи город. Куй ружьё. Главное – луки и стрелы. Как делать стены, я тебе покажу. Расти воев. С Ростокон я постараюсь разобраться сам. Без твоей помощи. Дашь мне ярлык на княжение и всё. Забудь про него.

– Яр-лык, – по слогам сказал князь. – «Божий Язык», или «Божье Лицо» по-нашему. Чудно ты говоришь... Вроде и понятно, но... не понятно. Слова новые придумываешь... Чудно, – повторил он.

– Я в нескольких мирах живу, князь. Тебе не понять. Не удивляйся ничему, но знай, что я – только твой друг. И ничей больше.

– И почему ты выбрал меня? – Тихо спросил князь.

– Ты, Након...

– Меня зовут Тихомир, – усмехнулся тот. – Након, это – тот, кто на «кону», у власти.

– Я знаю, но не хотел называть тебя так. Ты же мне сам назвался «наконом».

– Теперь тебе можно знать и одно из моих первых имён.

– Имя у тебя хорошее, Тихомир. Вот потому и выбрал я тебя. Ты сможешь спасти русский род от уничтожения. Без тебя твой род растворится в родах германцев, саксов, данов, и других нордов. Ты сегодня должен был умереть потому, что пришёл я. Твои друзья подумали, что на меня можно свалить убийство. Без меня они бы убили тебя много позже. Примерно, через четыре лета. И твой старший сын возглавил бы восстание против Рима и Империи. Бессмысленное восстание. А через два лета на Любек нападут даны, если вы не закроете его стенами.

– Ты всё время говоришь о стенах. Зачем они, если есть крепости?

– Крепости – это хорошо, но должно быть несколько линий обороны. Если пройдут первую, прячьтесь за вторую. Потом за третью. Замки – это край. И из замков надо рыть тайные подземные ходы. Пока не будут построены все три линии обороны, войну не начинайте.

– Спаси Бог!

* * *

– Привет, Олег!

– Привет!

– Как жизнь?

– Жись, только держись!

– Твои строители сильно заняты?

– Не очень, пока. Застопорилось всё как-то.

– Я бы взял их на денёк...

– Хоть на неделю. А то и совсем забирай...

– Лады.

* * *

- Привет, Славян!
- Привет!
- Как жизнь?
- Нормалёк.
- Работа есть?
- Сидим без дела. С какой целью интересуешься?
- И техника?
- Ну...
- Я заеду к тебе. Ты на участке?
- Ну...
- Брось точку «джипиэс», чтобы не заблудиться.

* * *

Иван сделал для переноски «агрегата», как он назвал машину времени, кожаный кофр, с отверстием для излучателя, и пристроил к нему блок питания. С ним и приехал сначала на лесозаготовительный участок к Вячеславу.

– Ты меня еле застал, – после приветствия сказал Славка, мужик годов сорока, – я им всё рассказал и поехал. Бухнем после. Они твои на неделю.

Он запрыгнул в джип и рванул его с места, даже не спросив Ивана, на чём тот приехал.

– Кто бригадир? – Спросил Иван у толпы работяг.

Мужик в старой драной куртке – «Аляске» поднял руку.

– Это ваш вагончик?

Мужик кивнул. Бригада из десяти человек сидела на чурках тут же, хмуро разглядывая Ивана. Лица у всех были измучены, и, явно не нарзаном.

– И вы все туда помещаетесь? – Спросил Иван, заглянув во внутрь. Из вагончика в нос ударило, как током. – Не верю.

– Да ну на! На фуфырь, – сплюнув просипел бугор.

– На три!

– Пошли «робя», покажем городскому, как лесовики живут.

Бригадир вошел последним. После этого вагончик исчез. Иван обошёл стройку, и так же исчезла вся техника, инвентарь и инструменты. Исчез и Иван.

* * *

Иван увидел бригадира, мечущегося по поляне с топором и орущего:

– Где эта сволочь!

– Тут я, – сказал Иван, уклоняясь от топора. – Ещё раз махнёшь, разобьёшь водку.

Иван показал сумку, звякнув для убедительности содержимым. Бригадир, переводя дух, спросил:

– Где мы? Что за фокусы?

Из вагончика выглядывали испуганные лица.

– В сказке, бугор. Тебя как, кстати, величать?

– Никита я, Алексеевич.

– Зови ребят, Никита Алексеевич. Выпьём.

Поляна для переброса была специально подобрана Иваном на чистом взгорке над рекой Варной. Лес здесь заканчивался и начинался крутой спуск к реке.

Выставив на поляну деревянный стол и чурки, мужики расселись. Кто-то уже нарезал сало, солёные огурцы и хлеб.

– Будем, мужики! – Сказал Иван и замахнул сразу стакан, щедро налитый «разливающим», увидевшим шесть литровых бутылок, выставленных на стол.

Закусив салом, хлебом, и хрустнув огурцом, Иван заговорил:

– Всё равно вам никто не поверит, поэтому буду говорить правду. Вы в очень далёком прошлом. В 965 году. Не в 1965, а в 965. Здесь я буду строить городскую стену, а потом, и сам город. Вы мне нужны для того, чтобы напилить лес, зачистить от веток и коры, правильно его уложить на хранение и сушку, может быть, распилить на брус. После, придут строители и будут строить.

Пильщики слушали, раскрыв рты, кто-то даже ещё не успел выпить, а так и замер после слов: девятьсот шестьдесят пять.

– Это не «белочка». Просто, я – колдун... Наливай, – приказал он.

Стакан быстро наполнился.

* * *

Оборудование у лесорубов было хорошим, и работали они хорошо. Один раз опохмелившись, бригада следующий день отдохнула и принялась за работу.

Деревья пилили, брёвна «шкурили», а строители ставили из них стену частокола.

Иван на выставке позаимствовал «агрегат траншейный» на базе Т-170 и самолично прорезал траншею, длиной пятьсот метров – для одной стороны городской стены.

Сильно толстые деревья оставляли. Были деревья и в два, и в три обхвата. Спиливали стволы, не толще сорока сантиметров. Молодую поросль тоже частично сохраняли.

Частокол городской стены строители поставили за пять дней, и приступили к постройке княжеских палат. Бригада строителей специализировалась на домах с претензией «под старину». Вся нужная им техника, в том числе и подъемная, у них была своя.

Иван разъезжал по округе на БМП, тоже позаимствованной с выставки, и пугал окрестных жителей, отгоняя их от стройки, чтобы они случайно не запустили стрелу в его работников.

В устье, примерно в километрах трёх от строительства, располагалось небольшое поселение домов в пятьдесят, которое и называлось «Ра Сток». Если правильно понимал Иван, посёлок так называли, потому что он находился на стоке (в устье) реки Ра.

Иван появлялся рядом с посёлком в виде лешего, т.е. укрывшись снайперским камуфляжем, с поддетыми под него доспехами, чтобы ненароком не подстрелили. Запугал он деревню так, что жители чуть не съехали. И буквально, и психически.

* * *

Иван «приехал» в Росток на следующий день после пиршества у князя на мощном сером в яблоках жеребце, на самом деле высадившись с помощью «агрегата» на дороге километрах в пяти.

Они с Наконом уговорились, что Тихомир, пустит слух, что Иван не поп, а ведун и волхв, хотя и крещёный. И отправился он в Росток ворожить против Руян.

Почти тоже самое Иван рассказал и селянам, предъявив «ярлык» – кожаную печать. Селяне восприняли слова Ивана очень скептически.

– Видали мы таких... ведунов... Ты вон с лешим справишься, тодыть и поглядим, какой ты ведун, – сказал мелкий мужичонка и сплюнул.

Вообще, древние славяне плевались по любому поводу и без повода.

– Что за леший? – Спросил Иван

– Хе! Да самый настоящий лесовик! На реке поселился, рыбу нам травит, зверя пугает. Деревя ломает. Шумит, трещит. Страх наводит. Видать, изгоняет отсель. Уйдём мы. Уже и пожиты собрали.

– Где, говоришь?

– Там! – Махнули все руками в одну сторону, так резко, что дитя на руках молодки заревело.

– О! – Даже как-то радостно вскинулся хилый. – И дети заходятся от крика. Не было ране такого.

– Дорога туда есть?

– По над рекой иди, не спуташ. Там тот лешак стену поставил. Узришь.

Иван усмехнулся и повернул коня к реке.

– Увидели всё-таки, – подумал Иван. – Даже стены.

И добавил:

– Ждите меня скоро.

– Ну-ну! Пошла блоха по дрова, – засмеялся другой мужичонка.

Проехав вдоль реки три километра, Иван подъехал к стене и стукнул в ворота.

– Кто?

– Свои!

– О! Ваню! Ты откель? – Спросил Сашико.

– Живу я здесь, – сказал Иван.

Ворота распахнулись. Въехав в «город», Иван спешился.

– Подготовился?

– А то! Щас каааак... бахнем!

– Поджигай, Махмуд!

Сашка отбежал метров сто к центру, поджёг там несколько шнуров и побежал обратно. Гроыхнуло раз, другой... В небо взметнулись ракеты, и «распустился» огненный дракон – китайское чудо пиротехники.

Дракон повисел в небе, а потом расправил крылья и выдохнул в сторону Ивана струю пламени. Но, вдруг, снова гроыхнуло, на месте дракона разорвался фонтан огня, и появилась алая роза. Роза, провисев в небе некоторое время, осыпалась струями воды.

За этот фейерверк Иван отдал пятьдесят тысяч кровно заработанных, но эффект того стоил.

– Всё, Сашико, отправляйся домой. Спасибо тебе, – сказал Иван, нажал одну из кнопок машины времени, и Сашка исчез.

Иван выехал за ворота, навесил на них громадный замок и поехал обратно в поселение. Нескольких мужиков он встретил уже за ближайшим поворотом. Завидя Ивана, они пали ниц, распластавшись на земле.

– Ярилино Лико, прости нас, умом немощных, – бормотали они в разнбой.

Иван, немного погарцевав на коне, вздохнул и сказал:

– Встаньте и верьте мне. Я с вами. И я ваш рыцарь, защитник, – сказал он.

Пришедши в село Иван собрал всех жителей. Вернее, все жители села ждали его у крайних к реке домов.

– Я, как и обещал, успокоил духа леса, и он не будет больше тревожить вас, – сказал Иван. – Он будет нам помогать. Вот ключ от ворот в стене, которую он построил. Как он мне сказал, он строил эти стены для вас, но вы не поняли его. Он не хотел вас пугать и выгонять вас с этих земель. И за этими стенами можно жить. Кто из вас Гостомысл?

Вышел всё тот же хилый мужичонка.

– Ну, я!

– Князь Након Тихомир сказал мне, что ты смел и ловок. Пошли со мной за стену, увидишь, как там ладно. Мы под защитой духа леса!

Толпа заволновалась.

– А может тебя дух съел, и сейчас это не ты, а дух, – сказал Гостомысл.

Иван достал нож и ткнул им себе в ладонь. Из раны закапала кровь.

– Где вы видели духа с кровью? – Засмеялся он. – Даже, если вы не пойдёте туда, я буду жить там, за стенами. Только, когда придут рюаны, не говорите, что я вас не звал. Уведут вас в полон. Садись, Тихомир, сзади.

– Заскочишь на твоего бугая, ага. Сам – бугай, и конь у него – бугай, – забубнил дед.

Иван подал ему руку и задёрнул мужичка себе за спину.

– Вот, жеж, – мужичонка витиевато выругался. – Чуть длань не оторвал.

* * *

В тот же день всё село переехало в новый город. За стенами стояли начатыми пятьдесят изб, в подклетьях которых уже можно было жить, и постепенно надстраивать их выше. Дома не стояли близко друг к другу, а равномерно распределялись по территории, ближе к стенам. В центре городка оставалась солидная пустая площадь.

Городская стена имела средний «бой16» (горизонтальный ярус с бойницами), и верхний «бой», являвшийся крышей среднему. Под средним «боем», укреплённым столбовыми подпорками, можно было хранить различное городское имущество, или открывать торговые ряды. Сейчас там лежали обтесанные брёвна. Много брёвен. Целая стена брёвен. По четырём углам городской стены и через сто метров по стене, стояли квадратные дозорные башни.

Вечером, когда все собрались на площади проститься с солнцем, Иван держал речь:

– Этот город дал нам лес. Спасибо лесу!

– Спасибо, – раздались слова со всех сторон.

– Но мы должны научиться защищать и город и себя, поэтому с сегодняшней ночи на стенах дежурят по четыре стражника с колотушками. Пусть колотят, чтобы мы все знали, что они не спят. И колотушки, и оружие находятся на дозорных башнях. Гостомысл, разведи дозорных.

Иван уже не первую ночь ночевал в княжеской усадьбе.

Если бы не статус и не исторические перспективы, Иван бы обошёлся чем-нибудь проще. Но князь должен жить во дворце, и Олеговы строители собрали ему большой двухэтажный квадратный терем с внутренним, квадратным, десятиметровым в поперечнике, двором.

Дубы в полтора обхвата пилили вдоль посередине, и из таких, располовиненных брёвен, собирали хоромину. Так, и внутренний объём не терялся, и плоские внутренние стены смотрелись, по мнению Ивана, легче.

* * *

Стояло лето. Жители ловили рыбу бреднями, связанными из толстой верёвки. Ловились судаки размером под метр, лещ, плотва, окунь, язь, сельдь, а также форель и речной угорь. На берегу реки установили разделочные рыбные ряды, солильные и копильные. Готовые продукты разносили по складам.

Иван в своём подворье, ещё при строительстве стен, установил глубокий и объёмный ледник, разделённый на четыре части под разные продукты с четырьмя разными входами, заложил туда лёд, присыпав его опилками.

Был в Ростоке и кузнец, не очень крупный, но жилистый мужик годов под сорок. Он больше всех страдал от переезда, но, когда Иван показал ему место для новой кузницы, и приготовленный там для неё пиленный большими кирпичами туфовый камень для стен и тонкими керамическими пластинами для крыши, возрадовался, и сам собрал новую кузницу за неделю.

Все ежедневно хвалили лесного бога. В городе оказалось чуть менее двухсот человек, из них – сорок два, относительно боеспособных, мужика.

* * *

Осенью пришли руяне. Враги всегда нападают для того, чтобы забрать заготовленное на зиму. Их было всего около двадцати человек. Но они все были воинами, со щитами, мечами и луками. Они пришли с востока. Появившись на противоположном берегу реки, они явно не рассчитывали увидеть здесь стены. Вероятнее всего, они собирались переправляться, чтобы потом пройти вдоль берега и напасть на старый городок.

Ничуть не смутившись, что их замысел раскрыт, они стали готовить средства для переправы через реку: ломали сухие ветки и связывали их в вязанки.

Иван и все жители города скопились на верхнем ярусе стены. Оценив обстановку, Иван сходил в терем и принёс СВД, замотанную в чёрную ткань.

– Что это? – Поинтересовался, один из жителей, прилаживавший тетиву на лук.

– Это магический посох, но лучше бы тебе этого не знать, – мрачным голосом сказал Иван.

Он думал о том, что ему сейчас придётся впервые в жизни убить человека, поэтому он был мрачен, а воин подумал, что мрачность волхва относится к нему, и постарался убраться в сторону.

Иван прошел к башне и взобрался по лестнице.

– Шёл бы ты... на стену, – сказал он так же мрачно стражу. – Колдовать буду. Могу и тебе навредить.

Страж засуетился и быстро спустился вниз. Иван крикнул ему:

– Стой внизу и никого не пускай наверх! Моим именем!

Развернув СВД, Иван приладил её в бойнице башни и посмотрел в прицел. Сто метров – самое расстояние для выстрела в голову. Проверив дистанцию и уловив ветер, Иван выстрелил. Один из ружья вскинул руки и упал на спину. Все остальные подбежали к нему и стали показывать руками на другой берег. По реке разносились невнятные голоса.

Второй выстрел произвел обратный эффект. Все отбежали от убитого, завалившегося на первое тело лицом вперёд.

– Бог любит троицу, – сказал Иван и снова выстрелил.

Три тела, щиты и оружие лежали на берегу, а больше никого на той стороне видно не было. Стояла абсолютная тишина. И над рекой, и над стеной.

Иван спустился с башни.

– Наблюдать! – Приказал он стражнику и спустился по башенным ступенькам.

Пройдя в терем, он нажал на кнопку «агрегата» и переместился к себе в городскую квартиру.

Налив пару рюмок водки, он обмылся в душе. После второго выстрела он почувствовал, как из него ручьями потёк липкий пот. Простиранную в машинке одежду он развесил на сушке, надел сменку, и переместился назад в Росток.

Если посчитать все часы пребывания Ивана в прошлом, получилось бы около двух лет, а его мире прошла всего пара недель, и то, только потому, что ему пришлось изготавливать ювелирные украшения для жены князя и игрушки для его детей. А ещё он потратил некоторое время на исследование «агрегата». Но и это время было потеряно не зря.

Иван нашёл кнопки третьей оси координат. С помощью них он теперь мог перемещаться не только на поверхность земли, но и в её недра, туннели и пещеры.

Цифры этой строки светились фиолетовым цветом, и Иван давно пытался их расшифровать, но безуспешно, пока ему не попалась в интернете заметка. Банк США специально опубликовал координаты своего хранилища, добавив к спутниковым координатам ещё и высоту над уровнем моря в метрах. Типа, попробуйте ограбьте.

Вбив все координаты в агрегат, Иван вспомнил, что он собирается переместиться в банк. Попадёт ли он в само хранилище, или в какое другое место банка, а может быть, появится рядом со зданием, как происходило в случае совпадения точки входа с материальными объектами, он не знал, но решил всё же маску «зайчика» надеть.

Переместившись, Иван оказался в хранилище банка, в центре которого на столе лежал кейс с миллионном долларов призового фонда и сертификат с разрешением их взять, тому, кто проникнет в хранилище любым способом.

Иван проверил кейс второпях, так как сработала сигнализация, закрыл его, и был таков. Угрызений совести у него не было, так как, он просто выполнил условия контракта на предьявителя.

Часть баксов сейчас продолжали лежать у него дома, а часть Иван разменял в том же банке США, но в раннем времени, за несколько дней до публикации о выдаче премии в случае похищения.

Через пару дней в американской прессе и в интернете появился его портрет в маске зайчика, а также призыв откликнуться и прийти в офис банка за ещё одним миллионом долларов, но Иван в добрые намерения банкиров не поверил.

* * *

После убийства Иваном потенциальных врагов, жители Растока некоторое время обходили его стороной, но потом всё забылось.

На следующее после стрельбы утро ни тел, ни иных предметов на противоположном берегу реки не было, только, прибежавшая на запах крови, лиса покрутилась по берегу, и снова убежала в заросли ивняка.

Следующий раз руяне пришли с юга. Они вышли ночью из леса и попытались забраться на стену. На стенах горели «магические огни» электрического освещения и стояла «магическая охранная сигнализация», поэтому даже спящий стражник отреагировал на рёв сирены и поднял шум.

В этот раз из «посоха» поражать врагов Иван не стал, а посмотрел, как действуют защитники города. Лампы, защищённые особо-прочным стеклом, нападающие стрелами разбить не могли, поэтому были видны, как на ладони, и успешно обстреливались стрелами.

Потеряв около десяти воинов, руяне отошли и до утра попыток напасть не предпринимали. Тела убитых лежали под стенами.

С первыми лучами солнца из-за деревьев вышел воин без оружия и, подняв руки, пошёл к башне. Он видел на ней стражника.

– Мы хотим забрать наших родичей, – крикнул он.

Стражник стукнул в било, ничего не ответив.

Иван, взошедши на стену, подозвал воина жестом, а потом спросил:

– Что ты кричишь?

Воин повторил своё желание.

– Ты должен не хотеть, а просить... – Сказал Иван.

– Я прошу, позволь забрать.

– Зачем нам это? – Спросил Иван. – Вы пришли забрать наши жизни и наших жён. А сейчас вы хотите забрать жертву, принадлежащую нашему Лесу. Ты хочешь забрать жертву? Тогда бог придёт и заберёт тебя. Не боишься?

Воин сплюнул на снег и ответил:

– Не боюсь. У вас – свои боги, у нас – свои. Пусть они сами выясняют, кто из них сильней.

– Ты сам так захотел, только, предупреди своих людей об этом. Кто возьмёт жертву нашего бога, тот умрёт. Я предупредил. Мы стрелять не будем.

Стоящие рядом на стене жители города всё слышали и стали переговариваться, покачивая головами и пожимая плечами, а Иван ушёл в терем. Когда вражеские воины подошли к стене и потащили в лес тела своих павших, двое из них, один за другим, вдруг упали. Под их телами на снегу проступила кровь. Остальные руяне тела побросали и стояли переглядываясь и переговариваясь.

Жители города торжественно завывали, зарычали и закричали:

– Наш Бог сильнее! Уходите! Он не отдаст свои жертвы!

Один попытался в одиночку тащить тело, но тоже упал на спину. В виске у него было маленькое отверстие, из которого шла кровь.

– Не приходите больше сюда! – Кричали горожане. – Это наша земля!

Руяне, понуро опустив головы, побрели на реку и скрылись за её поворотом. В лес они заходить побоялись.

Глава 4.

Молва о волхве-чародее, живущем в граде Ростоке и истории, связанные с ним, расцвеченные фантастическими красками, дошли до князя Накона в середине весны следующего года.

Одна из легенд рассказывала, как Князь Яролик покорил руян. Начиналась она у стен Росток, а заканчивалась на острове Рюген, схваткой Яролика с волхвами. Кое-что в историях было правдой.

Когда руяне, оставив убитых, отошли от стен Росток, Иван пошёл по их следам. Руяне шли на лыжах, а Иван, очень тихо «дырча», шёл по их следам на японском снегоходе.

Враги шли ходко, но не на восток, как предполагал Иван, а на юг. Вверх по реке. И вскоре Иван понял, зачем. Впереди на берегу появилась невысокая крепость. Даже не крепость, а так, огороженная брёвнами, наклоненными острыми концами наружу, территория.

Подойдя к воротам, руяне постучали, но, видимо, их послали по адресу, и они отошли в лес. Застучали топоры. Иван видел, что готовились лестницы. Иван попрыгал немного по времени, чтобы не морозить тело, и через сутки начался штурм.

По узкой лестнице, закинутой на стену, ползло несколько человек. Первый полз, прикрываясь спереди круглым щитом, а за ним ползли другие, прикрываясь с боков. Остальные нападающие стреляли из луков по крепостным лучникам, стоявшим на частоколе на горизонтально уложенных брёвнах.

Иван удивился эффективности технологии, разглядывая битву в оптику прицела. Первый руянин дополз до конца лестницы, встал на наклонное бревно и стал аккуратно смещаться вниз. Также аккуратно двигалась и вся четверка. И лучники, по одному, стали тоже заползать по лестнице, встраиваясь в живую, защищённую со всех сторон очередь.

Иван сидел на высоком дереве, видел нападающих очень хорошо и понял, что может не успеть, выстрелил. Мелкокалиберная винтовка щёлкнула, и первый руянин, вступивший на горизонтальное бревно, покотился дальше кубарем на копыта защитников крепости.

Атакующие лишились переднего щитового прикрытия, куда посыпались стрелы, замерли. Второй, оставшись без прикрытия спереди, получил несколько стрел, и, завалившись вбок, упал на наклонные брёвна. Вскоре упали третий, четвёртый. Остальные попрыгали вниз прямо в ров с едва подмёрзшими нечистотами. Припорошенный снегом ледок под падающими телами лопался и вверх летели неприятно пахнувшие даже за сто метров жидкие экскременты.

Иван даже посочувствовал руянам и от переизбытка чувств взревел мотором на холостых оборотах. Получилось музыкально. Рёв перешёл в визг. Защитники «крепости» перестали обстреливать руян и попрятались, а руяне лихо выбрались из рва и бросились в рассыпную от крепости и от леса в сторону реки.

Пробежав немного по льду, неудачливые рейдеры повернули на восток и нырнули в лес.
* * *

Как-то утром, Иван, наблюдавший за стоянкой ночующих прямо в снегу воинов, увидел вождя, отошедшего отлить ночной запас жидкости.

– Хороший случай, – подумал Иван, и переместился к вождю за спину.

Надавив левой рукой между лопаток, Иван прижал его грудь к стволу дерева.

– Спасибо, что добришь мой лес, вождь, но этого, – он усмехнулся, – не достаточно, чтобы он простил вас. И не останавливайся.

Струя снова зажурчала по коре дуба.

– Всё, – просипел вождь, одергивая длинные полы меховой одежды.

– А сейчас слушай меня внимательно, – внятно произнёс Иван. – Князь Након специально вызвал меня из самого Рима, чтобы я договорился с отвернувшимися от него богами. И

я договорился. Теперь боги на его стороне. Меня зовут Яролик. Я волхв, маг и чародей. И я правлю духом леса. Уходите, и не трогайте наши земли. Не слушаете – все умрёте.

– Я хочу посмотреть на тебя, – сказал вождь.

– Смотри, но не балуй. И выкинь ножи, что у тебя в рукавах.

Из рукавов в снег выпали ножи. Иван отпустил вождя, и тот резко обернулся. Делая выпад вперёд, он упал в снег и ткнул Ивана в бедренную артерию небольшим тонким кинжалом.

Иван спокойно смотрел на вождя, а вождь на Ивана. Потом вождь поднялся.

– Я не мог не попробовать, – угрюмо сказал он, не поднимая глаз.

– Не пробуй больше. Не надо, – угрожающе сказал Иван и исчез.

Вождь смотрел на снег и видел только свою дорожку следов. Волхв оставил только два следа.

* * *

Иван по-человечески жалел раненых и сначала думал им помочь, но после того, как вождь пять раз пытался его убить, он передумал. Правила поведения в этом мире были просты: чужак должен быть мёртв.

* * *

На Рюгене Иван появился во время празднования рюянами дня весеннего равноденствия. В длинном сером шерстяном плаще с капюшоном он не выделялся бы и не отличался от таких же, как и он, волхвов, однако Иван появился в храме Аркона прямо возле каменной статуи четырёхглавого бога во время жертвоприношения. На жертвеннике собирались резать барана.

Появившийся из воздуха Иван вызвал в толпе удивлённый ропот и перешёптывания, но поднятая им вверх правая рука, заставила всех замолчать.

– Меня зовут Яролик. Я волхв князя Накона. Я не буду вас долго задерживать. Я пришёл отдать жертву Световиту и сейчас уйду.

Иван резанул себя по левой ладони ножом и обмазал своей кровью деревянный меч бога.

– Я пришёл сказать вам, что сейчас я защищаю земли князя Накона.

Иван выделил второе «я».

– Кто на эти земли с мечом придёт... тот... умрёт, – продолжил Иван, пытаясь избежать штампа, но случайно попал в рифму.

– Желаю вам всем здравствовать, – сказал Иван, махнув левой рукой, и забрызгав близко стоявших рюян своей кровью.

– О! – Воскликнул он. – На вас моя кровь. Теперь вы мне должны! Жду у себя в Росточе князя Вислова на празднике Великого Солнцестояния. Князь Након зовёт вас. Пора вам пообщаться за столом, а не на поле брани! Мир вам!

Иван громко рассмеялся и исчез.

* * *

Князь Након, услышав сказочные истории, из уст пришедших по реке Лабегу гусляров, удивился.

Не прошло и года, как они расстались с Иваном, а слухи о нём уже гуляют сами по себе. Но князь скоро о том забыл, погружённый в возведение городских стен по рисункам, оставленным Иваном.

Лес они заготавливали всё лето и осень и сплавляли его по реке до ледостава. Зимой продолжали валить, а сейчас снова сплавляли и ставили стены.

Сначала они вкопали со стороны реки заострённые брёвна, уложив их почти горизонтально, насыпав на них вал земли. Далее, за образовавшимся рвом, поставили квадратные башенки и соединили их стеной – однорядным частоколом.

* * *

Иван сам напомнил о себе Тихомиру, появившись у ворот города на огромном, сером в яблоках коне. Следом за Ивановым конём шёл, привязанный к его седлу, черный, такой же огромный, осёдланный жеребец.

Князь встретил Ивана радостно. Обнявши его он, прикрывшись от солнца ладонью, посмотрел на чёрного жеребца, а потом, вопросительно, поднял бровь на Ивана.

– Твой-твой! – Засмеявшись, сказал тот. – Только со стремями я... По себе подправь.

Князь, приложил локоть к стремени, замерил расстояние до седла, подтянул ремешки.

– Да как же на него влезать?! – Крутился он вокруг коня.

– Некоторые со спин рабов влезают, а некоторые... с драни друга, – сказал Иван, стоя перед ним и подставляя правую ладонь под ступню князя.

– Ладно! – Сказал князь, наступая на неё левой ногой, как на ступень, и запрыгивая в седло.

Иван не дрогнул.

– Ох и здоров ты, брат! – Восхитился Тихомир, но сразу переключился на коня. – Ох и здоровый конь! С него видно всё, как... с башни. Спаси Бог тебя, Иван! За дары твои... И дела твои. Наслышан уже. Наслышан. Где такого коня взял?!

– Из другого мира конь, – шепнул Иван. – Тут таких нет.

* * *

Они сидели всё в той же светёлке, что и год назад и разговаривали. Иван рассказал, что построил город, наладил его охрану, как выдержали два нападения руян, как ходил в Аркону, и что ждёт на летнее солнцестояние в Росточе князя Вислова.

– Тебя звать пришёл. На том празднике многое должно решится, – закончил свой рассказ Иван. – Придёшь?

– Приду.

Не спрашивая Ивана о нюансах его побед, Тихомир задумчиво проговорил:

– Города – это хорошо... Людей мало, – сказал князь.

– Так делайте! – Сказал Иван.

– Как это? – Удивился князь.

– А ты не знаешь? – Удивился Иван.

Тихомир посмотрел на Ивана и нахмурился, размышляя.

– Поясни.

– У меня уже только моих народилось три девки и пять пацанов.

– Как это? За год?

– Понятным образом, как нарождаются, – засмеялся Иван. – Через баб...

– У тебя, что, восемь жён?

– Ну... Жён не жён, а живём вместе, – усмехнулся Иван. – И не восемь а шесть.

– Разом?!

– Не разом, а вместе. Они все у меня в хоробах живут. Со своими детишками. И с моими уже. – Иван в голос рассмеялся. – Демографию улучшаем!

– Чегось?

– Демос – это народ, по-гречески. Народ растим.

– Ну ты брат... Удивил.

– А ты? Отстаёшь?

– Ну... Мы тоже... ждём.

– Закон надо начертать на рунном камне, чтобы ни одна баба не ходила порожняя. И всех вдовых взять на обеспечение.

– Так, мы и так, не обижаем. Община же... Не голодают, вроде.

– Всех мальцов пяти зим отроду на воспитание к бывшим воям отдать.

– Так и есть.

– Ну, значит, всё ладно! Ещё подлить? – Спросил Иван, поднимая флягу с вином.

* * *

Тихомир приехал в Росток ранее обозначенного срока. До праздника было еще два дня. Установленный в центре города шест с шаровым навершием с острыми лучами, символизирующим солнце, своей тенью ещё не доходил до установленного рунного камня.

На камне русскими буквами, стилизованными под руны, было написано: «камень установлен 966-го лета от рождества Христова правителем сей земли Яроликом подданным короля русов Накона Тихомира».

Князь стоял перед камнем и пытался прочесть выбитую на камне надпись.

– Что тут начертано? – Спросил он Ивана.

Иван прочитал.

– Сам начертал?

– Сам.

– Я руны не знаю. У нас только волхвы знают.

– Эти руны и ваши волхвы не знают!

Тихомир в который уже раз, посмотрел на княжеский терем.

– Веди, уже, в хоромы свои. Мочи нет смотреть на них. Такое только волхвам под силу...

– Это... вряд ли. Волхвы живут в землянках, да в дуплах.

– Да-а-а... Удивятся они, – деляя ударение на второй слог, сказал князь.

– Удивятся и удавятся, – засмеялся Иван.

– Не боишься?

– Нет, князь, не боюсь. Опасаюсь. И стерегусь.

– Это верно.

На прямое крыльцо поднялись по трём ступеням и вошли через двойные распашные широкие двери в тридцатиметровый зал с очагом в центре. Вокруг очага была пристроена узкая каменная столешница. Очаг прикрывала железная решётка с полозьями, на которых стояли тоже решетчатые подставки для котлов и чайников.

Вокруг очага суетились сразу три женщины. Одна потянула кочергой подставку с чайником, та выползла. Чайник был подхвачен и снят с подставки.

– Тут хорошо зимой, тепло. Дым и горячий воздух поднимается вверх в дыры и проходит под полом второго яруса, грея его. Пол там из плит жженого глиняного камня. Сейчас, летом, жар туда не идёт, а уходит через тот дымоход в потолке. Дыры закрыты. Наверху не жарко.

Они прошли по нижнему этажу через анфилады комнат.

– Здесь всё женские и детские комнаты. Второй ярус мой... и твой. Но, там всё такое же. Потом увидишь. А вот двор...

Они вышли во внутренний десятиметровый двор, в центре которого стоял небольшой бассейн с фонтаном. В высокий колодец стен виднелось синее небо.

– Фонтанус! – Воскликнул князь. – Волшебство!

– «Ага, волшебство, – подумал Иван. – Год строили, а я бегал по лесу, охранял этих алкоголиков, поил и кормил. Хорошо, что зверья здесь немеряно. Но работников от вида мяса к концу года уже тошнило. Зато, шкур у меня сейчас...»

В углу двора стояли два деревянных кресла и небольшой столик, вырезанный Иваном лично из дубовых пней. Вся мебель в доме была сделана руками Ивана из местного дуба в подвале «терема» в шикарной мастерской, где имелись нужные ему станки, инструменты, дизель-генератор и звукоизоляция.

– Так живут боги! – Еле слышно проговорил Тихомир.

– Так живут обычные римские патриции, – засмеялся Иван, – но у них есть много рабов. А у вас рабов нет. Поэтому вы так жить не будете, пока не поумнеете.

– А у тебя рабы, или ты такой умный? – Разозлился вдруг князь.

– Я умный, – взяв его за руку, сказал Иван. – А ещё я... маг... Мне легче.

– А может ты бог?

– А может и бог... – усмехнулся Иван. – Садись, выпьем холодный компот.

Они сели, и женщина сразу принесла и поставила кувшин с компотом, лёд в вазе и кружки.

– Интересная одежда у... твоих женщин.

– Ткань римская. Как шить – я научил.

– Ты научил?!

– Я научил. Но я не бог. Я даю только знания.

– Боги дают знания, – отпивая компот, сказал Тихомир.

– Бог с ними, с богами, – засмеялся Иван. Завтра будет тяжёлый день. Надо убедить руян перестать грабить наши земли. Я не хотел бы действовать силой и давить на них. Что развело вас? Вы же один род.

– Не совсем один. Но не это главное. Когда-то Руян не был островом. Как рассказывали старики, однажды море нахлынуло на берег и смыло его. И Руян отделился от земли. Зато пило и его, и нашу землю. Много людей унесло море. В основном все жили, как и сейчас, на берегу, ловили рыбу и били зверя морского.

– И что сейчас мешает заниматься тем же?

– Сейчас вообще всё по-другому. У нас слишком много богов. У каждого рода свой бог.

И родовые жрецы спорят между собой.

– Вы же жрецам жертвы носите?

– Носим. Как без них?

– Вот за это они и спорят. Не за богов, а за то, сколько, и кто, им жертвы принесёт. У епископов тоже так. Хоть последнее, но отдай. Плохо это. У епископов, тоже сейчас начнётся деление. Они уже поделились на Рим и Новый Рим. Два Императора. И престол разделится. Дальше ещё хуже будет.

– Дальше, это когда?

– Через сто зим.

– У-у-у... долго ещё ждать.

– Не надо ждать, надо жить сейчас. Если нельзя победить силу, надо приспособиться. И ждать, когда противник ослабеет.

– Чтобы убить его?

– Чтобы изменить. А не получится изменить, тогда убить. Но менять нужно его детей, его или его детей. Но это очень сложная, долгая работа. Работа многих людей. Но чтобы изменить, нужно учить, а чтобы учить, нужно что-то знать. Они, – Иван махнул рукой на юг, – знают больше вас и ничему новому вы ни их, ни их детей, научить не сможете. Вы тут только и делаете, что – убиваете друг друга, да баб воруете.

Иван помолчал. Тихомир сидел задумчивый.

– Чтобы такие хоромы построить, знаешь сколько учиться надо? – Иван вздохнул.

– И ты всё это знаешь? – Спросил князь.

Иван засмеялся.

– Нет, не всё, друзья помогли.

– У тебя есть такие друзья? – Задумчиво спросил Тихомир.

* * *

Иван не стал грузить князя проблемами и политинформацией, а показал всё своё городское хозяйство.

В каждом доме была своя корова, свинка, лошадка, собачка-волкодав, кошечка и куры. Дворы огорожены. В каждом имелся палисадник со смородиной.

Показал место для будущих полей, сенокоса. Ещё при закладке города дерево-посадочной машиной повыкорчевали деревья на большой площади. Теперь, через год пришло время их пережечь. Деревья лежали стуртованные¹⁷, и сжигали гурты по очереди, дабы не создать пал. Этой осенью посадят озимые рож и ячмень. Лес здесь рос смешанный: сосна, ель, дуб, вяз, так что, почвы особо кислыми быть не должны.

Показал Иван и свой «водоканал». По весне они с жителями надстроили двускатную крышу над стеновым «боем» верхнего яруса, и стали собирать в башенные емкости дождевую воду. Деревянные емкости обмазали глиной и обожгли изнутри. Возле башен сделали общественные нужники. Под башнями и стенами, еще при строительстве стен, в траншеях были уложены трубы канализации для водостока в реку.

Ледникам князь не удивился, удивился их размерам. Удивился запасам, лежащим в хранилищах. Особо удивился бочкам.

– Что здесь? – Спросил он.

– Рыба морская. Сельдь. Солёная. Угощу сегодня... С молодой картошечкой... Да с укропчиком. Да с водочкой...

– Ты говоришь странные слова, но у меня потекли слюни, – удивился князь.

– Это магия, – махнул рукой Иван. – Магия передачи эмоций. Но... Если вернуться к бочкам... Мы и бочки начали делать. Почти год учились: строгали, обручи ковали, клепали. Это – чужие бочки, а наши под засолкой на берегу.

– Делаем всё вместе и учимся вместе, – продолжал Иван. – У кого лучше получается, быстрее, он помогает другому. Видишь, вдоль той стены под средним ярусом крыша надстроена и стеной перекрыта? Там у нас учебное и ремесленное места.

– И зимой там все работают. У каждого свой урок, свой интерес. Кроме охотников, все там. У нас скопилось уже достаточно деревянной посуды, чтобы провести большой пир. По всем мастерским тёплые полы. Ты не поймёшь на словах. Увидеть надо. Там я люд писать и считать учу. Малевать.

Увидев непонимание на лице и в глазах князя, Иван повёл его в мастерские. Там продувал сквознячок, пахло стружкой и масляными красками. Кое где с потолка свисал от стены до стены брезент, разделяющий «классы». Где-то он был подтянут к потолку, как парус.

Иван подвел князя к стене, на которой висели холсты с нарисованными красками картинами.

– Это всё зимой писали. Учились. Сейчас не до того.

Тихомир разглядывал рисунки, некоторые поглаживал рукой, ощущая рельеф высохшей масляной краски.

– Очень красивые. Все. И как много...

– Вот так и живём, – сказал Иван.

* * *

Вечером Иван угостил Тихомира селёдкой и всем к ней причитающимся. Пропарил в бане, которые стояли на берегу реки.

Гости стали съезжаться назавтра. Сначала приехал князь Рерик из одноимённого города. Сразу следом приехали князь Болеслав из Тетерева и Мстивой из Ленца. Все они приехали вместе с волхвами, жрецами и боевым сопровождением, человек по десять. Приехавшие разместились внутри города под городскими стенами, раскинув тонкие войлочные шатры. Даже вожди.

Всех встречали князь Након и Гостомysl. Про Ивана – Яролика никто не спрашивал, но вопрос на лицах читался. Гости с интересом и страхом поглядывали на терем волхва, со стороны смотревшимся словно мощная крепость.

К вечеру прибыл руянский князь со своей свитой и двумя жрецами. И он, увидя, где поместились прибывшие ранее гости, тоже устроился под стеной.

– Так у них, наверное, принято, – подумал Иван, разглядывая в бинокль со второго этажа своих хором прибывших.

Гости разбрелись по территории городка. У ворот и дверей складов Иван предусмотрительно поставил часовых. Жрецы, расставив вокруг коловрата своих божеств, принялись гудеть в дудки, бить в бубны. Далее кольцами стояли столы с едой и питьём.

Гуляли все. Весь город. Иван не появлялся.

Он обходил и осматривал территорию вокруг города. Он искал и нашёл. Помог тепловизор.

Группа воинов, численностью до двухсот человек пряталась на опушке леса со стороны старого посёлка. С севера. Раскрашенные зелёной глиной и утыканные травой, они были совершенно не заметны в кустарнике.

Иван, обойдя с тепловизором всю южную округу, не ожидал такой хитрости. Завернув на участок, где жгли деревья, Иван отвернул тепловизор от жара и заметил в стороне «тёплые» пятна.

Парило к дождю. Небо тучами придавило землю. Дымы с огнищ стелились в северо-восточном направлении. Оттуда и зашли воины Руяна. Там и залегли на границе леса.

То, что это были именно они, Иван не сомневался. Хотя, могли быть и «свои», решившие воспользоваться случаем сбора многих князей в одном месте для сведения счётов. Сегодня воевать было ещё можно, завтра и два дня после – нельзя. Праздник.

Иван понял, что праздник может закончиться, не начавшись, вернулся в свой терем, облачился в ритуальный плащ и вышел к гостям. Его появление мало на кого произвело впечатление, только на знающих.

Гости и жители уже прилично набравшись пива, взявшись за плечи, танцевали в хороводе вокруг коловрата под звуки дудок и тех же бубнов.

Иван подошёл к княжескому столу. Возле князя Накона стоял незанятый «стул» в виде чурки.

– Уважаемые князья, рад вас приветствовать в славном граде Ростоке, – сказал Иван.

– Это наш друг, Иван Яролик, – сказал Тихомир. – Это он построил этот град.

– У Яролика много и других подвигов, – откликнулся князь Вислов. – Аркона продолжает обсуждать его неожиданное появление в храме на весеннее равноденствие, и как он один справился с отрядом моих воинов.

– Я! – Изумился Иван. – Это все Лес. Он помогает нам. И сейчас шлёт вести, что не всё в порядке под его деревьями.

Иван замолчал. Никто не решался заговорить. Подручные князя Накона внимательно и с интересом разглядывали Ивана, видя впервые. Подручные Вислова смотрели в стол.

– Предлагая собрать всех за этими столами, я хотел уговорить вас прекратить убивать друг друга, что вы делаете на радость вашим общим врагам – германцам и саксам. Я хотел, чтобы вы послушали меня.

– А почему мы должны тебя слушать? – Хмыкнув, спросил Вислов. – Даже если ты и волхв, чародей, то ты чародей Накона. А у нас свои волхвы, их мы и слушаем.

– Я не волхв, и не чародей! Я – Яролик!

– Это ты сам так себя назвал?

– Мой Отец. Пока не стало поздно и пока ещё можно договориться, я прошу послушать меня...

– ТЫ убил моих людей.

– Они хотели напасть на мой город.

– Они хотели переправиться через реку.

– Они находились на нашей земле, были вооружены и раньше приходили разорять наши города. Мы имели право на первый удар.

– Это наша земля, – сказал Вислов и встал. – И право здесь наше. И ты первый убил моих людей.

Люди Вислова тоже все встали.

– Да, – я убил трёх твоих людей, а мог убить их всех. Да, я убил других твоих нескольких людей, а мог убить всех. Вождь может подтвердить, – ткнул Иван пальцем в «того вождя». – Я и сейчас могу убить всех вас, но я позвал вас сюда не для того.

Иван, говоря это, сидел, не поднимая на Вислова глаз, смотря ему в район живота, но договорив, посмотрел ему в глаза. Взгляд Вислова ему не понравился. Это был пустой тёмный взгляд убийцы.

– Я могу прямо сейчас убить даже твоих людей, скрывающихся в лесу. Хочешь? Проверь. Только кивни, и один твой человек умрёт.

Вислов сел.

– Какие люди? В каком лесу?

Иван махнул рукой на север.

– Там нет моих людей.

– А чьи там люди? – Громко спросил Иван, так, чтобы слышали все князя.

Все молчали.

– Значит – ничьи? – Спросил он, не услышав ответа. – Тогда сейчас они начнут умирать.

– Стой! Прости князь, – сказал один из приближённых Вислова и ударил его ножом в шею, но мгновением раньше, пока нож не коснулся шеи, пуля бесшумного пистолета ПСС, вылетевшая из рукава Иванова плаща, пробила убийце грудь. Он ещё постоял, оперевшись низом живота о стол, а потом завалился назад.

– Кто-то ещё хочет что-то сказать? – Спросил спокойно Иван.

Глава 5.

Князя сидели во внутреннем дворе его дома вокруг бассейна. Колодец стен хорошо отражал голос Ивана.

После инцидента с подручным Виславу князем, Иван убедил их перейти сюда, и по их лицам теперь видел, что они об этом не жалеют. Удобные кресла, прохлада от бассейна в душный июньский полдень, и хороший эль с вяленной форелью, – всё располагало к беседе.

В проёме дверей висела карта, нарисованная на большом холсте яркими красками. Карта Европы и Азии. В руках Ивана была лазерная указка.

– Ещё раз повторяю. Мы живём вот здесь, а это, – он обвёл указкой вокруг материка, – остальной мир. И то не весь. И везде живут люди. Очень много людей. Гораздо больше, чем у нас с вами. И все они соберутся и пойдут к нам. Если не сейчас, то скоро. Когда вырастут ваши дети, дети ваших детей. И они истребят ваши рода. Если вы не объединитесь и не забудете, где чья земля. Земля того, кто её может обработать, а не того, кто отберёт её у соседа. И земля здесь не самая лучшая. Эта земля никому не нужна. Всем нужны люди, которые её обрабатывают, чтобы с них брать дань.

– Чтобы что-то взять с этой земли, надо много знать и уметь. Я вас научу, как взять с неё, не убивая друг друга. И у вас нет другого выбора. Я не позволю вам жить иначе. И я не отбираю у вас власть, а даю её вам, потому что, ваш народ не будет больше голодать.

– Ты говоришь, как христианский бог... Ты хочешь накормить наш народ пятью хлебами? – Скептически спросил Вислов.

– Нет. Я мог бы это сделать, но я хочу, чтобы вы сами научились себя кормить.

– Ты Бог? Они, – он ткнул пальцем на Накона, – почитают того пророка, как Бога.

– Я не Христос, но я могу вас накормить. Да и кормлю. Год назад здесь не было ничего. Или хотите чуда?

– Убеди их, – попросил Након.

– Хорошо.

Иван встал, взял со стола вяленную форель, и обойдя всех дал каждому по рыбине, и в руках у него осталась всё та же форель.

– Но это – не божественное чудо. Это чудо познания. Но вы этого не поймёте.

Все сидели молча уставившись, кто на форель в руке, кто на Ивана, у которого оставалась всё та же форель. Подумаешь, десять раз сбежать в кладовую...

– Но они разные! Рыбины разные, – воскликнул Вислов. – Откуда ты их взял?

– Оттуда, – сказал Иван, показывая вверх. – Какая вам разница?

Ивану просто пришлось несколько раз «сходить» туда-сюда в будущее.

– Христианство не такая уж плохая религия. Она не хуже ваших. И мало чем отличается от ваших. И она победит вас, потому что у неё один Бог, а у вас множество. И заповеди у христиан понятнее и человечнее. Милолюбивей. Хотя они такие же люди, как и вы. Готовы убивать всех, кто не с ними. И вам придется принять не их веру, а их храмы. И платить им дань. Они сейчас сильнее вас. А вы станете сильными, когда я вас научу, тому, чего они не знают, и вы сами изготовите оружие, которого у них нет. И тогда вы победите всех.

Под оружием Иван имел ввиду знание, но не стал это уточнять.

– Главное ваше богатство – это люди. Берегите их...

– Ты предлагаешь нам перестать воевать? А как же Валгалла? Прикажешь нам умирать на мягком семейном ложе? Это не по-нашему праву. Я не согласен, – сказал Мстивой.

– Хочешь в Валгаллу? Можешь идти прямо сейчас!

Иван обвёл всех взглядом.

– Кто хочет в Валгаллу? Я устрою. Хотите погибнуть в бою? Выходите в круг, и улетите прямо сейчас. Есть желающие?

Почему-то желающих не было.

– Надо здесь создать хорошую жизнь, а не стремиться на небо. Если все уйдут в Валгаллу, кто здесь останется? Одни христиане? – Иван рассмеялся. Кто-то неуверенно его поддержал.

– Другого пути нет. Кто не с нами – тот против нас. Да... И заставьте жрецов работать. Кто не работает, тот не ест. Пусть колдуют в свободное от работы время. Сначала я буду помогать вам всем, давать всё, что потребуется. Накормить, напоить, построить. Вы наших гов18 видели? Нет? Пошли покажу.

* * *

Заканчивал Иван показ городского хозяйства на берегу реки, рассказывая о переработке и заготовке рыбы, показывая сети.

– Вот эти сети зимой вязали наши бабы. Правда, нить не наша.

Князья осматривали и проверяли на прочность трехслойную капроновую сеть, развешенную на берегу для просушки.

– За такую сеть, можно и спеть, – в рифму пошутил князь Болеслав.

– Всех научим плести и нить дадим.

– Плести мы и сами могём... – вставил Мстивой.

– Лады. Нить дам хоть сейчас. С собой каждый заберёт по пять кобылиц и одному жеребцу. Навьючите их подарками. Наши жители уже их вам готовят.

* * *

– Слышь, Яролик! Уговорил бы ты лес отвадить от нас беров19.

Гостомысл стоял в дверях. Он никогда не проходил дальше. Для него Иван даже специально поставил у двери табурет. А другие жители и к дому не подходили.

– За нашими говками20 беры сошлись со всей округи. Таких тут отродясь не видывали. Как говы на выпас идут, так одну задерут. Наши охотники их взять не могут. Беры по двое – трое приходят. Люди бурчат, что лес озверел.

Иван вздохнул. Медведи ему не подчинялись, и как отвадить их от города он ещё не придумал. Собаки волков отгоняли, а вот с медведями не справлялись.

– «Да и как тут справиться?», – подумал Иван, вспоминая шкуру, которая покрывала весь пол его «кабинета». Почти пять метров от кончика носа, до кончика хвоста. А с лапами, и того длиннее. Когти бера даже при воспоминании вызывали дрожь.

– «Пора снова на охоту», – подумал Иван.

Иван любил охоту, но бездумно животинку не бил, только ради еды и безопасности. Но такие шкуры даже в его мире ценилась дорого, а в уж в этом мире... Первая, выложенная им на аукционе шкура, ушла за сто тысяч рублей. А деньги были нужны. Миллион баксов заканчивался. Красть имущество ему не позволяла совесть, поэтому за коров и других животных, отправляемых им в прошлое, надо было платить из своего кармана. Если технику можно было вернуть, то съеденную свинку, или барашка вернуть не получалось.

Техника, кстати, возвращалась обратно в будущее в том же виде, что и уходила в прошлое. Новая. Как и стояла на выставке, без царапин и изъяна.

Это подтолкнуло Ивана на мысль, что и человеческий организм должен возвращаться в то же состояние. И он стал за собой наблюдать. Делал фото перед отправкой и после возвращения. Сравнивал. Но и без фото всё было понятно.

Раны, ссадины и другие повреждения исчезали. Даже глубокие, типа пореза на ладони, которую он резал уже не один раз, чтобы доказать свою человечность, моментально затягивались. Без рубцов.

Он прожил в прошлом почти пять лет. Зима только начиналась, медведи ещё только устраивали себе берлоги.

– Снег выпал, – продолжил Гостомысл. – Люди выследили три берложьих лёжки. Да и так, по следу можно.

– Что снег выпал, сам вижу... Готовь людей и собак.

– Всё готово, Яролик. Кони пьяны, хлопцы запряжены, как ты говоришь.

– Молодца, – Иван радостно хлопнул хилого Гостомысла по плечу, но тот успел увернуться, и рука Ивана, с шумом рассекая воздух, пролетела мимо.

– Тебе Негра оседлали, – продолжал, будто не заметив пролетевшую мимо него руку, Гостомысл. – Серый хворый ещё.

Иван засмеялся и, скоро умывшись, начал одеваться. Завтракать в этом мире он перестал. Никто не завтракал, а он, что, лучше всех? Еду ещё заработать надо. Да и на охоту, как и на войну, надо идти с пустым желудком, считал Иван, и не понимал присказки Суворова про: «... ужин отдай врагу». А чем начавшийся день обернётся: войной ли, миром ли, кто знает. Он утром не завтракал, обедал не плотно, а вот ужинал хорошо. И считал, что так – правильно. Главное – поест до девяти и лечь спать в десять вечера. Так делали здесь все.

* * *

Первого «буряка» взяли в берлоге, придя по его свежим следам.

– Спускай собак! – Бросил Иван. – И отходите.

Псы метались вокруг ямы, засыпанной валежником, лаяли, но медведь не выходил. Отверстие, ведущее в логово было огромным, как и сама берлога. Валежник над ямой, глубиной метра четыре, высился ещё метра на два. Какой великан валил тридцатисантиметровые в обхвате стволы и таскал их в яму, охотникам предстояло увидеть и встретить.

– Давай, Волк. Работай! – Скомандовал он своему псу.

Собак радостно, и бодро побежала к берлог, но со стороны входа лезть не стал, а нашёл какую-то щель в валежнике с тыла, разгрёб лапами мох и проникла до медвежьей спины.

Послышался рёв, и буряк, с повисшем на его хвосте Волке, вылетел из берлоги, и поднялся. Грохнул выстрел, другой. Громадная туша завалилась вперёд.

– Ух ты моя умница, – подняв собаку на руки, похвалил её Иван.

Получив ответный «поцелуй», он взобрался на Негра, и тронул повод. Второго бера взяли, выгнав собаками из зарослей терновника. Можно было стрельнуть и так, медведь был хорошо виден, но продираться через колючки дикой сливы не хотелось.

За день добыли пять здоровенных буряка. Не меньше лежащего в кабинете. А первый, сегодня добытый, был всех больше.

Туши свежевали сразу. На такую охоту выходило всё мужское население города. И посмотреть, как охотится маг, и зная, что добычи и работы будет много. Иван не прятал своё оружие. Ему стало всё равно, что о нём подумают окружающие. В десятом веке у людей даже понимания, что огнестрельное оружие в принципе возможно, не было. Любой стреляющий предмет, находящийся в руках Ивана, Ростокцы называли громобоем.

Мясо медведя, и здесь, и в Ивановом времени считалось деликатесом и уходило на ура. Особенно, если его варить с олениной.

В своей Владивостокской мастерской Иван установил холодильники-морозильники, поставил автоклавы и наладил маленькое пищевое производство. Он катал мясные консервы в большой жестяной банке, Иван складировал частично здесь же, а в основном в Ростокке в своих закромах, постепенно создавая стратегический запас.

* * *

За пять лет столкновений славяно-русских племен не было. Иван провёл разъяснительные беседы с теми, кто в Ростокке на празднике не был. Двоих пришлось отправить в Валгаллу. Это были вожди небольших, меньше, чем у Ивана племен, и их людей он увёл к себе в город.

Одно племя, жившее выше по течению реки, на которой стоял город Росток, здесь её называли «Ворона», присоединилось добровольно, после того, как в Росток сходил их представитель и посмотрел на «нормальную городскую» жизнь.

Через шесть лет в Росток проживало пятьсот сорок человек. У самого Ивана было уже двадцать пацанов и восемнадцать девчонок. Последние новорожденные шли то дуэтом, то тройней. Правило, помогать безмужним бабам плодоносить, в городе прижилось и не считалось зазорным. Но разврата и насилия не было.

К слову сказать, в «цивилизованной» Европе более поздних времен, не считалось преступлением «приласкать» чужую, идущую без мужа, женщину прямо на улице, среди бела дня. Насильственным способом. Иван это знал и из общих понятий того времени не выбивался, но делал всё гораздо культурнее.

Мужское доминирование в десятом веке имело гипертрофированные формы, а Иван его пытался сгладить, поднимая статус женщин в «своём» городе уважительным к ним отношением и уничтожением всеобщей безграмотности. Все получали обязательное начальное образование: и дети, и мужчины, и женщины.

В качестве учителя, Иван пригласил своего друга Николая бывшего учителя физики, тоже одинокого, всеми забытого и никому не нужного, который согласился на этот эксперимент с интересом, и теперь нисколько не жалел.

Никому из своих современников правды Иван не рассказывал. Для всех он оставался магом и чародеем. Вновь прибывшие из будущего для местных становились пришельцами из неведомого мира и получали статус, чуть ниже статуса Ивана.

Для викингов существование многих миров – это реальность, о которой им всю жизнь рассказывали жрецы, волхвы и старики. И когда Иван и Николай стали им рассказывать о других мирах и летающих железных машинах, люди не удивились.

И если есть существа, прибывшие оттуда с новыми знаниями и умениями, то там должны быть и боги. Таким богом они Ивана и считали. Пришельцы из будущего их в этом не разубеждали, так, как и для них Иван был не совсем человеком.

За зерно Иван рассчитывался серебряными дирхемами, штампуемыми им самим из серебра покупаемого в будущем по тридцать четыре тысячи рублей за килограмм.

С золотом история вышла интереснее и детективнее.

* * *

В 1907 году Вторая Гаагская конференция одобрила предложенную российским Императором Николаем II идею о создании Международной валютной системы, чтобы обеспечить торговые и финансовые сношения между странами мира, основанные на наднациональной денежной единицей, привязанной к золотому стандарту.

В том же году представители 48 государств на заседании в Париже утвердили процедуру создания организации, названной Международной финансовой системой, с золотым пулом, в который каждая страна должна была внести определённую массу золота.

Местом хранения мирового золота выбрали Нью-Йорк. Свои обязательства по отправке драгметалла выполнили только Российская империя и Китай. В 1908-1913 годах из России в Америку на хранение было вывезено 48,6 тонн золота, которое в 1913 году по договору использования было предоставлено в качестве уставного золотого капитала при создании Федеральной резервной системы США.

Вклады России и Китая составили 88,8 % и 11,2 % соответственно. Это произошло потому, что другие страны мира так и не сделали вкладов в создание мировой валюты.

Золото вывозили военными кораблями. Один из них «Цесаревич», должен был скоро прибыть в Гибралтар, привезти пять тонн золота и перегрузить его на пассажирский лайнер «Республика» английской судоходной компании «Вайт Стар Лайн», который должен доставить груз в Нью-Йорк.

Иван в ожидании груза находился в Гибралтаре с конца января 1908 года. Ему надоело рыгать по времени и он просто ждал. На руках у него была бессрочная паспортная книжка и заграничный паспорт Российской Империи, номер две тысячи триста сорок восемь, выданный на имя потомственного дворянина, сына надворного советника, коллежского регистратора Василия Сергеевича Веселова, родившегося в Саратове марта 27 дня 1906 года. Род занятий – лекарский помощник, мичман, фельдшер 1 статьи 29 флотского экипажа²¹. На первой странице имелась его фотография, скреплённая по углам круглыми печатями. В Гибралтаре он ждал прибытия Российского эскадренного броненосца «Цесаревич».

Доложившись капитану порта Гибралтар, он попросил его по прибытии броненосца дать сигнал «кило»²², и передать, что на берегу ждёт пассажир.

– Вы были у русского консула Пауэра? – Спросил капитан порта.

– Я перво-наперво, как человек военный, посчитал необходимым доложить вам, господин вице-адмирал.

– Похвально, господин лекарь. Как идти к консулу, надеюсь, знаете?

– Мне сказали, это с восточной стороны скалы.

– Верно! Не доходя до дома губернатора.

Взяв извозчика за «полпени», Иван доехал до консульского особняка. Особняк консула, как и все остальные особняки на этой стороне «камня», как местные называли стометровую скалу, стоял на крутом склоне. Справа, метрах в сорока от дороги был обрыв к морю.

– «Ну и местечко», – подумал Иван.

– «Но наверное, тихое, раз здесь же стоит дом губернатора. С той стороны горы порт и казармы... Вероятно, не очень безопасно, а мне надо быть там. «Цесаревич» наверняка задержится с целью проведения разведки Гибралтара, а вот «Республика» уйдёт. Возьмет пассажиров и уйдёт».

Он видел «Республику», стоящей на внутреннем рейде.

– Я мичман Веселов, российский подданный, доложите господину консулу, – попросил он открывшего дверь мужика в ливрее.

– Господина Пауэра нет дома. Они у губернатора обедают.

– Извольте сообщить господину консулу, что мне необходимо проштемпелевать проездные документы и испросите его, коли он не может сейчас, когда мне будет оказана честь с ним встретиться.

– Проходите, господин мичман. Сейчас прислугу пошлём.

Пройдя в небольшой двухэтажный особняк, с наружными стенами без изысков, под четырёхскатной крышей, Иван присел на предложенный ему стул и попросил воды. Воду, со льдом и кружком лимона, принесла в стеклянном кувшине и налила в стакан молодая темноволосая смуглолицая девушка, стрельнувшая глазами так, что Иван привстал и склонил голову. Девушка рассмеялась.

Иван успел выпить всю воду, и ему принесли ещё один графин, когда появился посыльный.

– Господин консул, говорят, чтобы господин офицер шли к губернатору. Штемпель у него с собой.

Иван пошёл по указанному ему направлению. Особняк губернатора стоял метрах в ста, и Иван задумался, где мог шляться посыльный всё это время. Но он не расстраивался. При повторном подносе воды он успел сговориться с испанкой о вечерней встрече.

Дом-особняк губернатора отличался от дома консула только двускатной крышей. На пороге его встретил молчаливый мулат, который принял у Ивана шляпу и трость, проводил в гостиную.

Губернатор и консул радостно приветствовали гостя.

– Рад Вашему, господин губернатор, приглашению, и премного, за него, благодарен. Разрешите представиться, лекарь 29-той Севастопольской флотилии, мичман Веселов Василий Сергеевич, – по-английски доложил Иван.

– Присаживайтесь, господин мичман, – по-английски ответил губернатор. – Прошу без церемоний. И расстегнитесь, у нас ужасно жарко сегодня.

Обедавшие уже перешли к десерту, так что Иван от обеда вынужденно отказался, попросив и себе, сливочное мороженное и кофе. Коньяк ко всему этому прилагался.

Ивану пришлось рассказать, что он с супругой, детьми и тещей путешествовал по Европе, но его командировали в американские штаты в Нью-Йорк, и семья вынуждена продолжить путешествие без него. А он рад сменить обстановку, потому что две недели под тещиным приглядом были невыносимы.

– С какой целью, направляетесь в штаты? Если это не военная тайна, конечно, – спросил губернатор.

– Да, какая военная тайна в лекарском приказе, – пошутил Иван. – Лекарство закупаем. На «Республике» иду туда, погрузимся, и сразу обратно.

Консул и губернатор переглянулись.

– «Республика» разве ещё не грузится пассажирами? – Спросил губернатор.

– На рейде чалится.

– Давно стоит, пассажиры извелись. Он из Лондона сюда зашёл и стоит. Не знаете почему? – Спросил консул Ивана. – Русские подданные измучили меня вопросами. От них тут и скрываюсь, – хохотнул консул, пригубляя после кофе коньяк.

Иван тоже отхлебнул.

– Неплохой бренди, – сказал он и добавил. – Узнавал. В компании говорят, ждут русский груз. – И заговорщицким шёпотом добавил – деньги за лекарство, наверное. Америка на слово не верит... Только – баш на баш.

Консул и губернатор снова переглянулись.

– Заявлена приёмка груза пять тонн, – сказал губернатор.

– Значит не деньги... – задумчиво произнёс Иван, – а оружие.

Потом, вроде, как опомнившись, что сболтнул лишнее, обозвал себя клистерской трубкой и замолчал.

Свернули разговор и остальные. Консул проверил сопроводительные документы Ивана и паспорт, хмыкнул, увидев надпись рукой какого-то русского таможенного начальника: «без штампа консула Гибралтара визу не давать», «штампанул» сопроводилровку, в которой было написано куда командировается Василий Веселов.

* * *

«Цесаревич» пришёл завтра и сразу пришвартовался к причалу, на котором его встречала довольно большая группа гражданских лиц с офицерской осанкой и выправкой, разговаривавших по-английски.

Ивана на охраняемый пирс допустили по пропуску капитана порта. Ожидая спуска трапа, Иван наблюдал, как «вираются»²³ лебёдки.

Подойдя к сбежавшему по трапу вахтенному матросу с повязкой, он доложил ему и увидел спускающегося следом старшего офицера. Погоны он не видел.

– Господин контр-адмирал – командир корабля, господин мичман с 29 флотилии просят аудиенции.

Офицер остановился, глянул на Ивана, потом на ожидающих его «штатских» и нахмурился.

– Что тебе, мичман? Почему в гражданском?

– В отпуске был, теперь командирован в северные штаты. Пойду на пароходе «Республика». До Нью-Йорка. Подошёл представиться.

Командир корабля чуть вздрогнул, разумно предположив, что это представитель контрразведки, тайно сопровождающий груз, и сказал:

– Рад видеть, вас, мичман, но у меня гости, и мы сейчас же отчаливаем на рейд. Только груз, – он кивнул на ящики, стоящие на борту, – сбросим, бумаги подпишем, и на бочку.

Он козырнул.

– Служба-с!

«Штатские» и командир корабля поднялись по трапу, а через тридцать минут спустились два деревянных ящика с мощным основанием. Возле них сразу же занял пост солдат в форме английской гвардии.

Уже через полчаса буксиры тащили корабль на рейд. После его отхода, едва ли не ему «в хвост», пришвартовался пароход «Республика», и забрал груз на борт. Иван подошел к трапу и передал грузовому помощнику капитана свой паспорт, билет, пропуск капитана порта и сопровождающие документы.

– Посадку ещё не объявили, – сказал штурман.

– Мне можно, у меня пропуск и сопроводительные документы, – Иван многозначительно ткнул пальцем в слова «мичман двадцать девятой флотилии». – И билет первого класса.

– Рады приветствовать вас на борту, господин «мичман», – с усмешкой произнёс грузовой помощник.

Иван поднялся на борт пассажирского лайнера и прошёл на верхнюю палубу. Этим же вечером пассажирский лайнер шёл по атлантическому океану, а пять тонн Российского золота из трюма «Республики» исчезли.

Потом ФРС обеднел ещё на десять тонн. К сожалению, следы остального золота, отправленного в США и вошедшего в уставной фонд ФРС,²⁴ Иван не нашёл.

Точно так же Иваном было похищено золото в слитках на сумму 5 млн рублей, которое буквально за несколько дней до Октябрьской революции было погружено в поезд «особого назначения» и направлено из Казани через Петроград и Финляндию в Стокгольм, шведский Рикс-банк.

Хотел он заняться ещё золотом, похищенным во время гражданской войны, но суеты было много, а золота и сейчас было хоть отбавляй. Да и куда оно денется с его подводной лодки? Иван мог добраться до него в любой момент.

Глава 6.

– Из ореха льют монеты, и пускают их по свету, – пел Иван, нажимая ручку ручного гидрпресса, и доставая из-под него римские золотые денежки. Штамповка денег его успокаивала и позволяла поразмыслить о грядущем.

Семь лет в десятом столетии не прошли ни для Ивана, ни для этих мест даром. Во всех, подвластных ему городах, после праздника в Ростке хитро-мудрые жрецы ввели культ Ярлика, уподобляя его одновременно, и высшим языческим богам, и Христу.

К нему стали приходить простые паломники и волхвы с других территорий. Приплывали скандинавы и даны. Со всеми Иван говорил до тех пор, пока слушали. Говорить он намастрячился ладно. И «кормить» одной рыбиной многих ему приходилось неоднократно.

Три года, как он, в центре города, строил. Строили храм строители из будущего, а расписывал Иван его сам, по технологиям, изученным в академии.

Центральный купол уже светился голубым небом, Солнцем и образом. Он использовал технику Микеланджело и рисовал по влажной штукатурке, используя технику отмывки для покрытия широких областей цветом, затем, после высыхания поверхности, он повторно проходил их, добавляя оттенки и прорисовывая детали. Для изображения текстурированных поверхностей, таких как волосы на лице или структура дерева, он использовал широкую кисть с редкой щетиной.

Сейчас, заканчивая писать стены, Иван перемежал библейские сюжеты с языческими. Схожих легенд в религии викингов было несколько. Тема познания добра и зла со змеем искушителем ему особенно удалась.

Змей в исполнении Ивана выглядел не каким-то шнурком, свисающим с ветвей, а был хитрой хищной громадной гадиной, с лапами, раздающими яблоки.

А Ад Иван нарисовал, как один из языческих миров – «огненный», где живут огненные люди, поджаривающие грешников на сковородах своим огнём, изрыгаемым из пастей.

Получалось грандиозно!

Строители при возведении стен и других внешних конструкций не скрывались, но ходили, по приказанию Ивана, в белых комбинезонах и касках с фонариками, включёнными постоянно, имитируя собой светлые силы. Они понимали, зачем Иван настоял на таком их одеянии, и надсмехаясь над ним, шутовски посылали друг друга в разных направлениях, используя ненормативную лексику.

Иван не обижался, но постоянно укорял их:

– Вы мне так всю паству испортите, охальники. Хотя бы морды не кривите. Имейте благостный вид, вы же ангелы, млять, а не черти. Надо было вас лучше чертями вырядить, чтобы народ поверил, что и черти работают на меня. Было что-то подобное в легендах Европы.

Место строительства храма огородили святающимися лентами, и жители, слыша мытерщину, обходили стройку десятой дорогой.

Сейчас, штампуя золотые, Иван думал о перспективах развития создаваемого им общества, и первоочередных его, Ивана и общества, задачах.

Раньше, в самом начале своего вторжения в прошлое, он планировал войти в доверие к князю Накону, и, через него, познакомиться с норманнами и помочь им захватить Англию. Потом познакомиться с русскими князьями и начать помогать им. А теперь он сам становился центром поклонения, и ему стоило самому ожидать приезда русских князей.

Помнится, княгиня Ольга, или послы её, к Римскому Императору ездили.

С другой стороны, ожидаемая, если следовать истории, массовая гибель викингов в одиннадцатом веке в Англии, его лично не устраивала. Вырастая в духовного лидера Европейского Севера, Иван думал, как бы перенаправить силы и пассионарность викингов на юг. Проблема

была одна, викинги – мореходы и могут воевать только с моря. Дальние пешие походы не для них.

* * *

Раздался звонок. Это кто-то из домашних просит выйти, скорее всего к гостям. Иван, взяв последний, опечатанный им солид, осмотрел, подкинул его, щёлкнув по нему большим пальцем, и прислушиваясь к мелодичному звуку вращающейся монеты, прищурился. Поймав её, он положил монету во внутренний карман плаща.

Плащ у него был уникальным. Сшитый из специальной плотной «дышащей» ткани, подвязанный поясом, он создавал на животе подобие большого кармана. Широкие длинные рукава со скрытыми прорезями изнутри и снаружи, позволяли, и прятать руки, и вынимать их с разных сторон рукава. В тайных карманах рукавов лежало много всяких полезных штук.

На Иване были надеты постоянно: титановая кольчуга и «разгрузка» со всем необходимым. Ходил он так в этом мире ежедневно. Вес всё снаряжение имело приличный, но Иван уже к нему привык и считал это необходимой постоянной тренировкой.

Как-то однажды знакомый по рыцарским турнирам спросил его:

– Ты знаешь зачем бояре носили тяжёлые шубы?

Иван не знал.

– Чтобы потом броню легко было носить.

Тогда Иван сей аргумент воспринял скептически, а сейчас проникся пониманием. Воин расслабляться не должен ни на мгновение, или он не воин. А Иван здесь, в этом мире считал себя воином. Он ни на минуту не расслаблялся.

Закрыв стальную дверь подвала на кодовый замок, Иван поднялся в хоромы.

– Кто там, Любава?

– Ходоки от данов. Просят принять. Их пять человек и один волхв. Смурные.

– Где они? – Не видя их в окно, спросил Иван.

– В беседку я их отправила. Жар на дворе. И квас им отнесла.

Иван выглянул в другое окно и увидел в беседке ходоков.

Взяв свой посох, Иван вышел на крыльцо. За годы город уплотнился и Ивану пришлось огородить свой двор, соединив изгородь с городской стеной, под которой устроил конюшни, где занимался селекцией лошадей.

– Здравы будьте! – Приветствовал Иван ходоков. – Кто будете? С чем пожаловали?

– И ты будь здоров, Яролик. Или тебе здоровье ни к чему? Ты ведь Бог?

Вопросы задавались стандартные.

– Ну... Бог, ни бог... А что, Богам здоровье не нужно? Боги тоже умирают. От других богов. Примеров много. И в наших сказках, и в других. С чем пришли? – Переспросил Иван.

– Харальд Дании и Норвегии хочет говорить с тобой, – сказал волхв.

– «Блю тус»²⁵ (Синезубый), который? Пусть говорит, я не против.

Ходоки переглянулись.

– Харальд желал бы, чтобы ты прибыл к нему. Он слишком занят.

– А я, значит, свободен? Так, что ли?

Ходоки молчали.

– Боги приходят к тем, кто их зовёт и у кого беда. У Харальда беда? Ему нужна моя помощь?

– Н-н-н-ет, – проговорил волхв.

– Тогда, не понимаю, почему бы ему не прийти ко мне. Ведь это ему надо со мной поговорить, а не мне. Если бы мне нужно было с кем-то поговорить, я бы пришёл к нему и поговорил. Что я и делаю постоянно. Например, только, что я был на Рюгене и говорил с Висловом.

– И что он там делает? – Усмехнулся волхв.

– Не веришь? – Вздохнул Иван и исчез, появившись на том же месте через миг, со свитком, на котором было написано печатными русскими буквами: «Я Вислов».

Один из ходоков прочитал.

– О! Учился у нас? – Спросил Иван.

Тот кивнул головой.

Иван приглашал учить русский язык всех желающих, принимая их на время в свою коммуны. Ради этого даже построили гостиницу – трёхэтажное строение с большим длинным общим залом внизу, с небольшими двухместными комнатками, и большими комнатами для семейных на втором и третьем этажах.

Некоторые жители брали приезжих на постой, так как лишние руки всегда в хозяйстве сгодятся. Так, в Ростокских школах первичное обучение грамоте прошло уже около пятисот сторонних учеников.

Один из пришлых норманнов взял свиток и тоже по буквам прочитал написанное, потом посмотрел на Ивана, склонился и произнёс:

– Я пришёл к тебе, Яролик.

– Я понял это сразу, Харальд. И зачем ты пришёл?

– Получить ответы.

– Спрашивай.

– Что такое солнце?

– Солнце – это божественный свет для нас, живущих в этом мире.

– А что такое звёзды, – спросил «учёный» ходок, – ты нам говорил. Повтори.

– Звёзды – это божественный свет для других миров.

– Значит богов много?

– Много, но они мало влияют на этот мир.

Они замолчали.

– Говорят, ты знаешь жизнь наперёд?

– Не знаю, но могу узнать, если нужно.

– Про меня, что знаешь?

Иван вздохнул.

– Править ты будешь ещё пятнадцать лет, – Иван показал на пальцах. – Кто тебя убьёт знаю, но не скажу. Но убьёт за то, что ты примешь Христианство.

– Я не приму христианство.

– Примешь... Все примут. Твой сын Свен, он уже почти взрослый, станет королём Британских островов. Но всего на один год. Он и ты умрете с разницей в один день. Через некоторое время твой внук Кнуд вернёт себе трон Британии. История долгая...

– Значит мой род будет править?

– Будет править, но пользы от этого будет мало. Распри не прекратятся, и Рим захватит твои земли. Хотя это будет не очень скоро.

Иван посмотрел на Харальда и спросил:

– Мы можем с тобой пройти по нашему городу вдвоём?

Харальд переглянулся со своими подручными, и кивнул головой.

– Покормите гостей, – крикнул Иван домашним, и вывел короля со своего двора.

Стоял полдень августа 973 года. Иван повёл Харальда под городской стеной, рассказывая и показывая, но далеко от ворот уходить не стал. Как гид, повторяющий одно и тоже ежедневно, речь Ивана лилась с нужными интонациями и паузами. Он знал наперёд, где слушатели будут ахать, где смеяться, а где, возможно, смахнут слезу.

– Это – город образец. Со своими способностями, я многим помогаю городу, но и помогаю другим городам, чтобы люд жил сытнее и плодился охотнее. Это сейчас моя цель и задача.

Оградив жителей от любых набегов, я пытаюсь подготовить их к большой войне, в которой они погибнут все, если не будут к ней готовы.

– Будет война?

– Будет Харальд, не при твоей жизни, но будет. И случится она тогда, когда твой род потеряет в Британии две тысячи воинов, и не сможет защитить эту землю. И тогда, я спрашиваю, Харальд, зачем нам такая Британия? Там что, мёдом намазано? Я покажу вам действительно богатые страны, и научу, как их победить. Хочешь, я покажу тебе битву, при которой твои внуки потеряют своё войско?

– Не хочу, Яролик! Я верю тебе! Говори, что надо делать?

– Пошли, я покажу тебе храм, который я строю здесь.

* * *

Иван и Харальд осматривали храм. Иван объяснял смысл фресок.

– Как видишь, идея не слишком отличается от вашей. Да и, одним богом больше, одним меньше, какая тебе разница?

– Так тут... Не укради... не убей...

– Ой, Харальд, я тебя умоляю. Они, – он ткнул пальцем куда-то, – поясняют, что это касается только своих, а чужих можно и то, и это, и по-разному. Да и сами они не чураются...

– Но ты говоришь, что нельзя воевать...

– Сейчас нельзя. Надо копить силы и... учиться, учиться, учиться. Догонять Рим. Во всём.

– А как же... мы богатеём в войнах. Воины стремятся быть храбрыми из-за богатств.

– Ты дашь им эти богатства, но за то, что они будут учиться воевать и защищать общество.

Общее превыше своего. Тебе нужно золото? На! – Иван протянул Харальду сестерций. – Я тебе их дам столько, сколько тебе будет надо. Но, сильно много – тоже плохо. Никто не будет радоваться. Хочешь есть из золота? Будешь!

Харальд оторопело смотрел на золотой.

– Зачем тогда что-то делать, если можно купить? Армию можно нанять...

– Чтобы она тебя ограбила? – Смеясь спросил Иван. – И их командир забрал твою власть?

– Этот храм... Он не совсем христианский, – возвращаясь к религиозной теме сказал

Харальд.

– Бог один... Нравится тебе этот храм?

– Нравится.

– Хочешь, я назову его твоим именем? Храм Святого Харальда.

Король Норвегии и Дании остолбенело поднял голову к нарисованному на куполе небу со стоящим с крестом Богом, а потом на Ивана.

– Сказано, не искушай... – усмехнулся он.

– Вот видишь, ты быстро всё запомнил. Я не искушаю. Я знаю. Так и будет. После того, как ты умрёшь, тебя причислят к лику святых и будут называть в твою честь храмы. Но это не искушение, а большая ответственность, которая лежит на тебе за твой народ сейчас. И я хочу научить тебя, как с этим жить.

– Значит ты, бог, хочешь научить нас поклоняться другому Богу?

– Бог един, и все мы его дети.

* * *

На центральном куполе храма установили крест в центре которого сияло золотом солнце, а внизу лежал полумесяц. Купола сияли золотом. Их покрывали, скрыв от людских глаз плёнкой, и сейчас плёнку убрали.

Храм был красив.

21 сентября 973 года в день рождения Богородицы Иван сам провёл первую службу.

После третьего удара небольшого колокола, Иван прочитал несколько молитв на русском языке, и стал рассказывать, для чего, и ради чего, должны жить люди. И что этот храм он сам, Яролик, сделал и подарил людям, чтобы им было где поговорить с богом, и друг с другом. И не только о плохом, но и о хорошем. Служба была недолгой.

А со следующего утра в храме стал проводить службу Гостомысл. Кроме молитв, он читал проповеди нерадивым работникам и возносил хвалебные речи «ударникам коллективного труда», ставил задачи на день, а вечером подводил итоги. Жизнь города закипела вокруг храма.

Через месяц в Росток съехались все князья Балтики. Кто-то приехал добровольно, кого-то Иван доставил в Росток принудительно, например, русских князей: Ярополка, Владимира и Олега Святославичей.

* * *

Русские князья воевали. Вернее, выясняли в сражениях, кто будет править землёй русской после смерти их отца Великого князя – Святослава Игоревича.

Дружины Владимира и Олега, объединившись, доказывали дружине Ярополка, что их князья имеют право на земельную долю государства русского.

Бились дружины на правом берегу Днепра у стен города Киева. Стены выглядели, прямо сказать, плохо. Иван очень удивился, увидев во многих местах их полное отсутствие. Наряду с кирпичными, имелись участки и деревянного частокола.

Появившись в лагере Ярополка в своём одеянии волхва и в старческой резиновой маске на лице, Иван нашёл шатёр князя. Он был самым большим. Ивана удивило, что охрана рядом не стояла, и, зайдя в шатёр, он никого в нём не обнаружил, однако не вышел, а стал ждать, усевшись на подушки в углу, напротив входа.

Ждал он долго. Уже стемнело, когда ткань шатра осветилась факелами, и в шатёр внесли на руках Ярополка. Тот был пьян. Иван, поняв, что поговорить с ним не удастся, поднял «агрегат времени» вертикально, сфокусировал его и нажал кнопку. Ярополк вместе с сопровождавшими его воинами и шатром с подушками, телепортировался в Росток.

Иван так прилачился к агрегату, что играл на нём, как на пианино. Надев изготовленные им самим перчатки, с шипами на «подушечках» пальцев, он быстро набирал необходимые ему цифры. Да и сам агрегат, был машинкой понятливой и, как оказалось, сам помогал, выдавая ближайшие варианты. А иногда Ивану казалось, что агрегат даже читал его мысли.

Переместившись вместе со своими гостями прямо к себе во внешний двор усадьбы, Иван вышел из шатра вслед за товарищами князя.

– Что за... хер? – Спросил первый вышедший из шатра, не замечая Ивана.

– Ик! – икнул другой.

– Да ну... Я столько не пил, – сказал ближний к Ивану воин.

– Ты тоже это видишь? – Спросил первый.

– Где мы? – Спросил третий.

Второй только икал, озираясь вокруг. Оглянувшись, он увидел Ивана.

Подворье Ивана было хорошо освещено «волшебными» фонарями, дававшими мерцающий «факельный» свет. Поэтому русичам было от чего потерять голову.

– Вы у меня в гостях, – сказал Иван.

«Гости» обернулись, взявшись за мечи.

– Не стоит начинать знакомство с битвы. Вам здесь ничего не угрожает. И мне тоже, – добавил он. – Я – Яролик – маг и вождь балтийских русов. Может быть слышали?

– Нет, – прохрипел ближайший и ударил Ивана мечом.

Иван ударил его электрошокером. Воин упал. Иван надел на него наручники.

– «Удобная вещь», – уже в который раз подумал Иван.

– Ещё желающие есть? Выйти против мага?

Желающих не было. Лежащий зашевелился, отходя от электроразряда.

– Ночуйте сегодня в шатре с князем. А то проснётся да обделается от страха. По нужде, кстати, вон в то строение, – показал Иван на деревянное сооружение, характерного вида и формы, с маленьким вырезанным окошком-сердечком над дверкой.

Для личного успокоения он всё же выставил вокруг шатра четверых дежурных стражников.

Помахав себе, прошедшему, в терем, Иван подумал, что, как бы ему не пришлось сегодня ночевать на гостевой стороне, но нет, он увидел, как второй «Иван» сам прошёл в соседнее крыло.

* * *

Прыжки во времени приводили к пересечению с другими «Иванами», вернувшимися по какой-то причине, в то же самое время. Поначалу это Ивана пугало, но потом он привык. Присутствие во одном месте одновременно нескольких его копий не меняло ход событий само по себе, если субъект не начинал вмешиваться в них. Но и тогда изменения происходили естественным образом и незаметно для окружающих людей.

Наличие нескольких Иванов в одном месте одновременно сначала пугало и нервировало горожан, но потом они привыкли. Привыкли так же видеть вдруг появившиеся объекты, «достроенные» в прошлом.

Успешное «сожительство» многочисленных дублей подтолкнуло Ивана на мысль о клонировании народившихся малышей, но добиться этого простым перемещением во времени, у Ивана не получилось.

Он стал искать нужные комбинации кнопок на агрегате. И он их нашёл. Была на агрегате возможность дублирования, и живых, и не живых объектов, если перемещать их в тоже самое время. Иван сильно удивился простоте решения.

Он начал со своих новорожденных детишек, самолично принимая роды у матерей, и сразу дублируя малышей. Потому и стало нарождаться у его женщин по три, четыре и по пять детишек-близняшек. Потом он обязал жителей города приглашать его на роды. Таким образом, он увеличил рождаемость в городе примерно в четыре раза.

Получалось, что Иван в любой момент времени мог увеличить численность своей армии до бесконечности, хотя это и утомило бы его до невозможности.

Чтобы жители города привыкли к таким чудесам, он как-то выступил в храме с проповедью и в заключение сказал:

– Я ваш бог и вы все мои дети. Вы знаете, что у нас много дел, но нам не хватает людей. Сейчас нам нужно укреплять стены города камнем, но... мы не можем. Я могу сделать людей по вашему образу. Они могут жить с вами в одном доме, помогать вам вести хозяйство.

– А баб можно три? – Спросил Гостомысл.

– Ты с одной, то справляешься? – Спросил, смеясь, Иван.

– Так я... не для того, – засмутился старик. – С хозяйством моя не справляется. И говы, и козы, и овцы, огород.

– И я о том говорю! – Поддержал Иван. – Можно. Хоть десять. Но, смотри... Проблем будет столько же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.